

Королевская четверка

Селеста Брэдли

Все твои тайны

2005

Брэдли С.

Все твои тайны / С. Брэдли — 2005 — (Королевская четверка)

Дейн Колуэлл красив, умен, обаятелен и обожает свою молоденькую жену! Чего еще Оливии желать? Оказывается, ей хочется услышать от супруга хотя бы слово правды. Потому что Дейн лжет. Лжет о людях, с которыми встречается, о местах, которые посещает, о бумагах, которые хранит... Чем все-таки он занимается? Оливия решает выяснить, кому же она отдалась со всей нежностью и силой юной страсти...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42
	46

Селеста Брэдли Все твои тайны

Всякому правителю нужна пара-тройка надежных лиц, которые при любых обстоятельствах скажут ему правду, желает он того или нет.

Как-то, во времена правления норманнов, король Вильгельм Завоеватель обнаружил, что вокруг него увивается туча «советников», более озабоченных своими делами, нежели благом страны. Возникла «Королевская четверка», в которую вошли друзья детства короля. Все они родовитые дворяне, объединенные верностью короне, презиравшие своекорыстные цели. Взяв себе имена безжалостных хищников, они глухой стеной отделили личную жизнь от своих истинных обязанностей, дабы защищать интересы короля. Все как один стали для него не только щитом, ограждавшим от коварства и лжи, но и мечом, резавшим правду-матку.

Отважны, как Лев, беспощадны, как Кобра, зорки, как Сокол, умны, как Лис.

Вступив в должность, они до конца жизни несли свою службу, намертво связанные обязательствами перед страной. Семейные узы, друзья и даже любовь казались призрачным сном, когда ученик занимал место своего учителя. Все прочее не более чем видимость, призванная оберегать тайну от чужих глаз. Ведь сердца «Королевской четверки» томились за железной решеткой долга.

Пролог

Англия, 1813 год

Леди Оливия Челтнем упала в Темзу, и ее спас норманнский бог. Вернее, ее столкнули в воду. И сделал это не кто иной, как ее родная мать. Но норманнский бог спас ее, во всяком случае, попытался спасти. К сожалению, дело кончилось тем, что спасать пришлось его.

Почему матушка толкнула Оливию через перила Вестминстерского моста? Пока девушка летела вниз, ей показалось, что прошло очень много времени. Ей даже удалось поразмыслить над причинами материнского поступка. И хотя у Оливии не было под рукой дневника (как-никак она парила в воздухе), она могла поручиться, что прежде не замечала за матушкой страсти к человекоубийству. С трудом верилось и в то, что у нее внезапно помутился рассудок.

Впрочем, Оливия тоже не сделала ничего обидного, разве что несколько раз спрашивала, почему ее заставляют стоять на мосту и часами смотреть на Темзу в промозглый, ветреный день. Тут могло быть только одно объяснение: на горизонте показался некий перспективный холостяк.

Вспоминая, как ледяная вода сомкнулась над ее макушкой, Оливия все же пыталась признать, что, пожалуй, стоит быть снисходительнее. В последнее время матушке пришлось так туго! Но она была не настолько глупа, чтобы убить собственную дочь в погоне за богатым женихом.

Река в этом месте была неглубокой. Ноги Оливии на короткий миг коснулись мягкого, илистого дна, прежде чем естественная сила воды снова начала выталкивать ее наверх. Она смогла вынырнуть на поверхность и сделать спасительный вдох. Падать в воду Оливии было не впервой, и она тотчас принялась стаскивать с себя спенсер. Высвободив руки, она отшвырнула в сторону коротенький жакет и медленно поплыла прочь.

К счастью, одежда не тянула ее ко дну, ведь на ней было платье из тончайшего муслина, к нему не полагался ворох нижних юбок. Матушка настояла, чтобы она надела его нынче утром, несмотря на ужасную погоду. В свете последних событий это обстоятельство внезапно приняло зловещий оттенок, но Оливия выкинула из головы мысли об интригах маменьки ради более важного дела – спасения своей жизни. Она отлично плавала, но вода была ледяной, и уже начался осенний сток. Надо было срочно выбираться на берег. Поболтав ногами, она сбросила туфельки и огляделась, оценивая обстановку.

А в это время над ее головой раздавались полные ужаса вопли матушки и крики людей. По-видимому, на мосту собралась толпа, но Оливия не стала терять время и разглядывать их. Вода была такой холодной, что ее руки и ноги будто пронзили острые иголки. Надо было как-то выбираться, пока она вконец не окоченела. Взмахнув руками, Оливия легко повернулась и увидела склизкие каменные ступеньки. Они спускались по насыпи к реке.

Оливия уже собралась плыть к ним, но в этот момент нечто огромное плюхнулось в воду прямо рядом с ней. Брызнувшая во все стороны удушливая мутная жижа забила ей нос и попала в открытый рот. Девушка с отвращением сплюнула, провела рукой по лицу, протерла глаза и увидела, что к ней тянется пара огромных рук.

Дернув ногой, Она без труда увильнула в сторону и отплыла на небольшое расстояние. Руки принадлежали какому-то грязному незнакомцу.

Конечно, в его оправдание надо сказать, что он вряд ли был грязным до того, как очутился в воде.

В сущности, пару минут назад он, наверное, выглядел очень даже ничего. Легонько болтая в воде ногами, Оливия изучала его. Если судить по точеным скулам и волевому подбородку, по струящимся волосам цвета золота, то он и впрямь выглядел великолепно. Торчавшая из воды голова незнакомца оставалась совершенно недвижима. Видимо, он был настолько грома-

ден, что доставал до дна и мог твердо стоять на ногах. Он смахивал на очень мокрого, очень грязного норманна.

Нет, не так. Правильнее будет сказать, что он был похож на огромного мокрого и грязного норманнского бога.

Только один человек в Лондоне подходил под это описание – Дейн Колуэлл, виконт Гринли, известный в обществе как завидный жених этого сезона. Официально Оливия не была ему представлена, но видела его на многих светских раутах, куда маменька затаскивала ее в надежде подыскать мужа. Оливия и не мечтала о благосклонности «того самого Дейна». По крайней мере ни за что не призналась бы в этом. А что до полуночных грез о норманне... Э-э... как-никак за его сердце боролись многие дамы, а уж она совершенно определенно не была завидной невестой этого сезона.

Матушка никогда не упускала случая напомнить ей о неуклюжей и долговязой ее фигуре, о том, что она так и не научилась носить бальные платья с изяществом, а ее волосы почему-то всегда норовили выбиться из прически; она никогда не знала, куда деть свои руки и неприлично большие ноги. Мать даже говорила ей, что все джентльмены с виду были красивее ее, по крайней мере больше внимания уделяли своей внешности.

И все же маменька не сдалась. Судьба их родового имения, Челтнема, зависела от Оливии. Вот почему красивый и богатый лорд Гринли решил немного поплавать.

На сцене появляется перспективный холостяк.

Лорд Гринли откинул длинные золотистые волосы с лица и устремил на нее взгляд своих небесно-голубых глаз, смущенно моргая.

– Вы не ранены?

Матушкин план работал. Как и велит долг, он собирался ее спасти. Какой стыд! Оливия твердо решила, что не будет играть в эту игру.

– Нет-нет, – уверила она его. – Не стоит обо мне беспокоиться.

Очевидно, лорд ничего не понял, так как снова потянулся к ней. Увернувшись, Оливия безо всяких усилий отплыла в сторону, из-за этого он, на беду, оказался между ней и ступеньками. Оливия вся дрожала.

Гринли уставился на нее:

– Вы не могли бы подплыть сюда, чтобы я вам помог?

– Нет, благодарю, – чопорно ответила она. – Посторонитесь, и я сама выберусь на берег.

Он удивленно заморгал, нахмурил лоб. Речная вода плескалась о его грудь, словно о громадные неподвижные опоры моста.

– Что-что?

Оливия сдалась. Ей было недосуг вести с лордом светские беседы. Он был такой огромный, что запросто мог выйти из реки, а она с каждой минутой замерзала все сильнее и сильнее. Отчаянно замолотив руками и ногами, девушка отплыла в сторону, отчего ее отнесло немного вниз по течению. Разумеется, дюжий малый снова потянулся к ней. Похоже, он не желал делать ни шагу. Оливия все же проворно обогнула его и поплыла к ступенькам.

На полпути она оглянулась. Лорд по-прежнему стоял на том же самом месте. Неподвижный, точно каменная глыба.

– Вы что, не собираетесь вылезать? – крикнула она. – Вода холодная.

– Я... я не могу.

Оливия начала терять терпение, выбивая зубами крупную дробь и не чувствуя доброй половины своего тела.

– Я позабочусь, чтобы она извинилась, – выпалила девушка. – Знаю, она поступила ужасно, но, по-моему, вы ведете себя словно упрямый ребенок.

– Не имею понятия, о чем вы говорите, мисс, – недоумевал он. – Но я не могу пошевелиться! У меня ботинки застряли в иле.

– О!

С тоской взглянув на каменные ступеньки, Оливия повернула обратно.

– Нет! – запротестовал Гринли, увидев, что она возвращается. – Плывите к берегу! Вам надо срочно выбраться из ледяной воды.

Оливия стремительно гребла в его сторону, не обращая на его протесты никакого внимания.

– Разве вы не можете вытащить ноги из ботинок? – Лорд смущенно отвел взгляд:

– Они совсем новые и сидят на ноге как влитые. Мне их обычно снимает камердинер.

Оливия усмехнулась, не потрудившись скрыть свое мнение о подобного рода пижонстве. Взглянув на выражение ее лица, Гринли пожал плечами:

– В наши дни все их так носят.

Вот вам и норманнский бог. Единственный мужчина в Лондоне, который ей нравился, оказался тщеславным, непрактичным щеголем. Такое могло случиться только с ней. Он вряд ли нуждался в каких-нибудь ухищрениях, чтобы выглядеть потрясающе.

Стиснув зубы, Оливия протянула к нему руки.

– Вам нужно перестать давить своей тяжестью на ил, – заявила она ему. – Откиньтесь назад и плавно перенесите вес тела на воду.

– Я бы предпочел твердо стоять на ногах, – нахмурился Гринли.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – терпеливо заметила она, хотя очень хотелось сорваться. Ну не могла же она осыпать беднягу ругательствами, когда всю эту кашу заварила ее маменька! – Поверьте, я знаю, о чем говорю, – поторопила она его. – У нас дома, в Дареме, домашний скот то и дело вязнет в иле.

– Домашний скот? – Вид у него сделался немного обиженный, однако он послушно наклонился назад. Оливия поймала его, обхватив за широченные плечи своими окоченевшими руками. Из всех сил она заболтала в воде ногами, когда лорд начал наваливаться на нее всем телом. На мгновение ей показалось, что она сейчас камнем пойдет ко дну, но тут он сам начал держаться на плаву, покачиваясь в медленном потоке.

– Теперь подрыгайте ногами, – велела Оливия. – Нужно разболтать ил, чтобы он перестал вас засасывать.

Гринли посмотрел на нее довольно сердито.

– Дрыгаете? – не отставала Оливия.

– Дрыгаю, дрыгаю, – буркнул он.

Оливии становилось все труднее шевелить руками и ногами. Тело ее казалось таким тяжелым...

– Одну я освободил! – ликуя воскликнул он, раскинув руки, чтобы удержать равновесие.

Оливия слишком медленно двигала ногами. Из-за резкого движения она сначала ушла под воду, потом собрала все силы, чтобы всплыть обратно на поверхность. Зубы ее больше не стучали, но мозг напоминал вязкую кашу. Откуда-то из глубин своего сознания ей удалось извлечь сведения о том, что это плохой знак.

Гринли взмыл вверх прямо в ее объятиях.

– Я свободен! – Он притянул ее к себе огромной ручищей, осмотрительно перебирая в воде ногами, чтобы снова не коснуться дна. – Мисс?

Оливия закрыла глаза. Веки ее настолько отяжелели, что она не могла их поднять. Оливия слишком замерзла, чтобы спасти себя теперь, когда она спасла его.

– Мисс!

Будучи одним из самых перспективных холостяков в Лондоне, Дейн Колуэлл, виконт Гринли, уже отчасти привык спасать барышень. По правде сказать, они, вероятно, сыпались с неба и приземлялись у его ног вследствие самых разнообразных казусов.

Как-то раз он спас мисс Уэйверли, на которую чуть не наехала телега с торфом. Хотя непонятно, почему она стояла посреди мостовой как раз в тот момент, когда он выходил из дома. Однажды он спас мисс Мортон. Вплетенные в ее волосы ленточки вдруг каким-то таинственным образом опутались вокруг ветки, когда он гостил в имении Тигарденсов. Такие вот необычайно длинные были ленточки! Совершая на прошлой неделе ежедневную верховую прогулку по Гайд-парку, он выхватил мисс Хакерман из седла внезапно взбунтовавшейся лошади, хотя лошадь вела себя вполне смирно до того, как Дейн приблизился к ней. Очевидно, он как-то странно влиял на скакунов юных леди, ведь ему постоянно приходилось спасать барышень от подобной напасти.

Сезон уже почти закончился, и светские мамы начинали впадать в самое настоящее отчаяние. Знай почтенные дамы, что Дейн твердо решил жениться в этом году, они, вероятно, воспрянули бы духом. В конце концов, ему уже перевалило за тридцать. Деньки бурной молодости остались далеко позади, и человеку с его обязательствами требовалась скромная, сдержанная, благовоспитанная хозяйка дома и мать его детей. Поэтому Дейн взирал на все эти тщетные попытки заарканить его с благодушным терпением.

В конце концов, перспектива встретить подходящую девушку, выхватив ее из-под колес фургона с торфом, вовсе не была лишена вероятности. К сожалению, все эти мисс Уэйверли, Мортон и Хакерман не производили на него впечатления уравновешенных особ, потому что после спасения они начинали биться в излишне бурном истерическом припадке. И все же Дейн надеялся до конца сезона найти барышню, наделенную чуть большим здравомыслием.

И вот теперь, когда юная леди свалилась в Темзу прямо у него на глазах, Дейн не долго думая спрыгнул с лошади и нырнул в реку рядом с барахтающейся в воде мисс.

Вот только эта самая мисс почему-то не нуждалась в спасении. По крайней мере до тех пор, пока чуть не оконечела, спасая его.

Дейн нес ее на руках по поросшему травой берегу Темзы, но не был уверен, что не нарушает приличий, прижимая ее к себе так близко. Мамаша безжизненной девушки только теперь догадалась сбежать с моста на берег. Она театрально заламывала руки в несколько чрезмерном приступе паники. Похоже, с ней не было ни одного слуги.

Дейн плотнее завернул в насквозь промокший сюртук свою продрогшую спасительницу. Он всегда старался проследить, чтобы его... э-э-э... барышень окружили надлежащей заботой после пережитых ими испытаний, но похоже, поблизости не было никого, кто бы позаботился вот об этой барышне.

Сознание не совсем покинуло девушку, но Дейна очень беспокоило, что она так сильно замерзла. Гринли сам продрог до костей, а он был куда крупнее юной дамы, которую держал на руках.

Подняв глаза, лорд обвел взглядом собравшуюся толпу. Где были все эти люди, когда они оба бултыхались в Темзе? Он наугад выбрал неприметного с виду молодого человека.

– Эй ты! – крикнул Дейн. – Сбегай-ка за наемным экипажем! Да поживее!

Парень поспешно кивнул и бросился бегом к мостовой. Гринли посмотрел на даму, которую мысленно окрестил «мамашей из ада», и попытался ободряюще улыбнуться ей. Но та зашлась в новом приступе рыданий и бессвязных причитаний, вцепившись в него сбоку мертвой хваткой. Похоже, она чувствовала за собой какую-то вину. Дейн прислушался на мгновение в надежде, что дама хоть как-то намекнет на то, кто они с дочерью такие. Или хотя бы прольет свет на происшедшее, или вообще сообщит что-нибудь полезное.

Но поскольку со стороны мамы не донеслось ничего вразумительного, Дейн махнул на нее рукой.

На газоне остановился обшарпанный экипаж. То был довольно жалкий образчик, и вдобавок тесный, но Дейн был не в том настроении, чтобы обращать внимание на всякие мелочи. Он велел неприметному молодому человеку погрузить мамашу в карету, а сам занялся девуш-

кой. Разместившись в тесной карете, Гринли устроил леди у себя на коленях, по-прежнему сжимая ее в надежном кольце своих рук.

Вероятно, ему надо было устыдиться, что от его внимания не ускользнули ни пышная, кровь с молоком фигура девицы, ни то, как уютно она пристроилась у него на груди. Юные леди в большинстве своем стремились к изящной легкости. Было приятно находиться в такой близости от столь крепкотелой особы. На ощупь она казалась довольно... прочной. Гринли всегда делалось как-то не по себе, когда он слишком близко подходил к наиболее изящным представительницам высшего света. Здравый смысл подсказывал ему, что он вряд ли раздавит их в лепешку во время танца, но воображение рисовало множество ужасных картинок.

К тому же она была привлекательна. Так бывают привлекательны пышущие здоровьем и выросшие в деревне девицы. Не красавица, но довольно мила... Дейн знал, что где-то видел ее раньше, но его воспоминания были связаны со спокойствием и тишиной. Значит, она не из тех вертлявых девиц. Интересно...

Поэтому, когда его сюртук на короткий миг съехал с лифа спутницы во время тряски в карете, Дейн пал жертвой своих мужских, а вовсе не джентльменских инстинктов. Он не сразу отвел взгляд от картины, которую не слишком хорошо скрывал тончайший мокрый муслин.

Так-так... Весьма недурно. Весьма и весьма недурно. Он вполне мог изменить свое описание с «крепкотелой» на «пышногрудую».

Оливия настолько задубела и была до того унижена, что не могла сама о себе позаботиться. А ее норманнский лорд был большим, теплым и сильным. И она поймала себя на мысли, что ей очень не хочется «приходить в чувство», ведь тогда лорд непременно отодвинет ее от себя.

И все же, почувствовав дуновение холодного воздуха на своей ничем не прикрытой груди, Оливия не смогла удержаться, чтобы не глянуть тайком, не смотрит ли он украдкой на нее.

Он смотрел.

Тут Дейн поспешил снова закутать ее в сюртук. Это был всего-навсего крохотный грешок, на который она едва ли могла обижаться, учитывая то, как сильно ей самой хотелось увидеть его полуобнаженным в мокрой насквозь одежде...

Девушка открыла глаза и улыбнулась. Дейн очень обрадовался, что она снова ожила. Судя по ее лукавому оценивающему взгляду, она знала, что он подглядывал за ней, но Гринли определенно не собирался делать виноватый вид. Кроме того, мимолетний взгляд на полную грудь, увенчанную розовыми пуговками, упирающимися в просвечивающий муслин, озарил светом этот утомительный день.

Взгляд девушки, однако, оторвался от его лица и скользнул в противоположном направлении, где сидела ее маменька, рыдания которой теперь сделались чуть менее громогласными.

– М-мама, – посиневшими от холода губами выговорила Оливия, – с-скажи этому любезному джентльмену, что ты с-сожалеешь.

Плачущая женщина пробормотала нечто невнятное. Похоже, это удовлетворило сидевшую на коленях у Дейна девушку, потому как та снова повернулась и посмотрела на него с выжидающим видом. Дейн колебался, чувствуя, что не понимает, о чем идет речь.

– Э-э... извинения приняты, – наконец вымолвил он. Девушка немного расслабилась.

– Д-должна сказать, вы очень х-хорошо держались, – заметила она, продолжая трястись от холода. – Это г-говорит в вашу пользу. Вы, должно быть, обладаете б-большим достоинством.

Возможно, дело было в том, что он секунду назад украдкой разглядывал ее «большое достоинство», а может, в том, что его собственное «достоинство» приходило во все большее возбуждение от движения пышных ягодичек, навалившихся на него. Это простое высказывание произвело на Дейна совершенно не то впечатление, на которое было рассчитано. Он невольно рассмеялся, но тут же спрятал смех за кашлем. Он подумал, что эта примостившаяся у него на коленях девушка – весьма необычное создание.

– Благодарю, то же самое я могу сказать и о вас.

Он испытал истинное удовольствие, натолкнувшись на подобное сочетание мощной чувственности и непоколебимого самообладания.

Некоторое время девушка задумчиво разглядывала его, после чего снова повернулась к своей матери:

– Маменька, пусть этот джентльмен представится. – «Маменька» энергично кивнула, подавила всхлипывания, промокнув глаза крохотным лоскутком шелка, которым вряд ли можно осушить это море слез.

– В этом нет нужды, моя дорогая, – промолвила дама, в последний раз шмыгнув носом. – Мы с виконтом Гринли уже представлены друг другу.

Минута показалась Дейну вечностью. Он сидел с застывшей маской на лице, мучительно пытаясь вспомнить, где и при каких обстоятельствах видел эту красноглазую даму. И вдруг на него снизошло озарение.

Челтнем! Эта особа была женой разорившегося графа, но их семья имела отличную родословную и безупречную репутацию.

– Разумеется, леди Челтнем, – без запинки ответил он, словно все это время знал, кто она такая.

Дейн перевел взгляд на невозмутимо-спокойную, пышущую чувственностью барышню. Так, значит, это дочь Челтнема...

Глава 1

«Я буду старательной и послушной женой. Буду старательной и послушной...»

Оливия – теперь уже леди Гринли! – рассеянно водила по волосам щеткой из натуральной щетины. Опять это слово – послушная. Сделав глубокий вдох, она закрыла глаза, чтобы не видеть своего отражения в изящном позолоченном зеркале.

Спальня сверкала изысканной роскошью. Да и сама Оливия напоминала воздушное облако, сотканное из тончайшего батиста. Наверное, эта ночная рубашка стоила больше, чем весь ее предыдущий гардероб, вместе взятый.

«Ну где же его сиятельство? – нервничала Оливия. – Мужчина – как дождь. Когда нужен, его почему-то никогда нет».

«Стать избранницей такого джентльмена – великая честь».

Эти слова, сказанные матерью, снова и снова эхом звучали у нее в голове.

«В твою пользу говорит только твоя родословная. Если бы твоему брату удалось жениться на этой ужасной наследнице судоходной компании, мисс Хакерман, то наши дела обстояли бы совершенно иначе. Если бы Уолтер был жив...»

Если бы Уолтер был жив, то Челтнему не грозило бы разорение, сундуки в имении ломились бы от золотых монет, а родители лучились довольством. И любимый брат был бы сейчас с ней. И уж пожалуй, ей не пришлось бы хвататься за первое попавшееся предложение руки и сердца.

«Лорд Гринли очень красивый мужчина. Лорд Гринли очень влиятельный человек. Лорд Гринли...»

Лорд Гринли уже сидел у нее в печенках.

Довольно! Оливия принялась заплетать волосы в косу, готовясь ко сну. И эту ужасную вызывающую сорочку она тоже с себя снимет. Зря она во второй раз принимала ванну с розовой водой. Без толку было ждать этого господина. Он явно и не думал приходить. Точно так же, как не подумал поухаживать за ней, не подумал поинтересоваться, хочет ли она выходить за него замуж.

Нет, она, конечно, не настолько обеспечена, чтобы дать ему от ворот поворот. Оливия была не дурочка. Она прекрасно понимала, что для ее семьи и всех обитателей Челтнема этот брак – единственный выход из положения.

Просто было бы неплохо, чтобы у нее хотя бы спросили согласия.

Конечно, папенька тоже хорош! Сбыл ее с рук, совершенно не подумав, нравится ли ей этот человек. Но нет! Папенька взял и провернул все дельце у нее за спиной, словно продал норовистую лошадь.

Нет, мужчины не похожи на дождь. Скорее, они похожи на нашествие грызунов. Никогда не знаешь, чем они занимаются у себя в подполье. Только ты начинаешь думать, что кошки отлично справляются со своей работой, как выясняется, что все это время мерзкие твари плели против тебя заговор.

Да, мужчины – самые настоящие крысы!

Скинув с себя прозрачный пеньюар, Оливия почувствовала себя немного лучше. Глупая вещица, которая и пауку на паутину не сгодилась бы! Она попыталась стянуть с себя еще более прозрачную ночную сорочку, развязывая изящные тесемки.

За смежной дверью раздался шорох. Оливия застыла. Все ее негодование испарилось, ведь ей снова пришлось встретиться лицом к лицу со страхами, с которыми она боролась уже месяц напролет.

Она замужем за незнакомцем. Зависит от мужчины, который волен... э-э-э... волен делать с ней все, что заблагорассудится.

Один Бог знает, что ее ждет. Оливию не опекали так, как некоторых девиц, с которыми она свела знакомство в заключительный месяц сезона. Ее не пичкали до одури нравоучениями гувернантки, за ней не следовали по пятам дуэньи, если не считать пары ленивых горничных. Годы в Челтнеме текли своим чередом, и слуги не без основания стали шушукаться, что лорд и леди Челтнем совершенно и не думали устраивать для леди Оливии грандиозную партию.

Мать с отцом почему-то возложили все эти заботы на Уолтера. Он был моложе Оливии, и вдобавок гораздо привлекательнее и обаятельнее, поэтому имел куда больше шансов на успех. Оливия едва ли могла винить родителей. Она обожала Уолтера, как только старшая сестра может обожать младшего брата. Жизнелюбивый и остроумный, он был – не в пример иным испорченным юным лордам – с головой на плечах. Оливия души в нем не чаяла, впрочем, как и все.

Когда Уолт с родителями отсутствовали в Челтнеме (а отсутствовали они едва ли не постоянно), казалось, все поместье погружалось в зимнюю спячку. Но Оливия не скучала, постоянно заботясь о нуждах и благополучии людей, зависевших от их семьи. Их имение, да и деревня постепенно пришли в упадок. Оливия, как могла, старалась облегчить страдания близких ей людей, полюбив свою челтнемскую «семью» столь же сильно, как и настоящую.

«Поэтому ты и вышла замуж за лорда Гринли».

Точно. Оставалось надеяться, что вскоре в графство Дарем, что на севере Англии, рекой потекут деньги на переустройство Челтнема.

Лорд Гринли ей казался очень щедрым человеком.

И настоящим красавцем великаном...

Бабочки, порхавшие в животе Оливии, превратились в испуганно хлопающих крыльями птиц. Она тяжело сглотнула.

«Я буду старательной и послушной женой».

К сожалению, послушание никогда не входило в число главных достоинств Оливии. Не то чтобы она намеренно делала все наперекор или особенно любила поспорить. Нет, скорее она была склонна... изредка слушаться.

До сегодняшнего дня ей было очень трудно не нарушать запреты маменьки.

«Твои волосы никогда не должны выбиваться из прически. Ты должна следить, чтобы твои ноги не выглядывали из-под подола платья, иначе все решат, что ты ничем не лучше доярки. Ты не должна смеяться слишком громко или слишком долго. А лучше вообще не смейся. Улыбайся, но не показывай зубы. Ты слишком широко улыбаешься. Постарайся не нависать над джентльменом, но и не сутулься!»

Матушкины правила теперь не имели значения. Внезапно Оливия осознала, что у ее жениха – мужа! – имелись свои собственные правила, и скорее всего еще строже, чем правила леди Челтнем. Правила... и требования.

Требования. О Боже! Но Оливия редко чего-то боялась.

«Этот мерзавец даже не удосужился за мной поухаживать! – досадовала она. – Ни визита, ни единой записочки! Ничегошеньки, кроме драгоценностей!»

Подарки были частыми, дорогими и бездушными. Оливия предпочла бы им хотя бы коротенькую беседу с глазу на глаз.

До сегодняшнего дня она видела своего суженого лишь дважды. В первый раз – в тот ужасный день, когда чуть не утонула под мостом. Из той встречи она запомнила лорда Гринли как человека, всегда готового прийти на помощь. Он представлялся ей громадным, точно опоры моста, и тщеславным, хотя у него имелись на то все основания. А еще ему явно нравилось разглядывать женскую грудь.

То же самое можно было сказать о половине мужчин в свете.

Во второй раз девушка увидела его на следующий день, когда он попросил у отца ее руки. Не вернись она как раз в ту минуту домой после очередной бесконечной череды утренних

визитов в компании матушки, она и не увидела бы, как двое заговорщиков в холле пожимают друг другу руки, словно только что сговорились о продаже любимой лошади. И скорее всего она так ничего бы и не узнала о своей помолвке до самой свадьбы.

Лорд Гринли даже не смутился, а только на миг склонился над ее рукой, сказав, что счастлив получить согласие ее отца, и выплыл в распахнутую дверь, тогда как она, разинув рот, уставилась ему вслед.

Из той встречи Оливия вынесла суждение, что лорд высокомерен, властен и эгоистичен, хотя, как правило, так можно было охарактеризовать чуть ли не всех джентльменов, которых маменька навязывала ей в Лондоне, впихнув ее в высшее общество, точно похищенного матроса на вражеский корабль.

Сегодня ее одели и подготовили к встрече с ним, словно овечку на заклание. Она почти ничего не видела сквозь узорчатое кружево и большую часть церемонии провела, сосредоточив все силы на том, чтоб ее не вывернуло наизнанку. Во время свадебного завтрака сидевший рядом с ней господин был слишком безразличен, уделяя все свое внимание мужчине, сидевшему рядом с ним по другую руку. Как смутно припоминала Оливия, тот почти не уступал в красоте самому лорду Гринли, вот только волосы у него были немного темнее, а лицо – печальнее.

Таким образом, хоть лорд Гринли и обладал приятными манерами и тело его источало совершенно изумительный запах, зачастую он бывал весьма и весьма неучтив.

Да, негусто. Но дело сделано. Теперь она до конца жизни связана с этим человеком узами брака. Вся ее будущая жизнь была в его руках, таких больших и красивых. В сущности, обладая внушительными размерами, он двигался с грацией льва, так и притягивая к себе ее взгляд.

Однако теперь ее восхищение куда-то испарилось в приступе раздражения. Неужели нельзя побыстрее разделаться с этим? Лучше уж перейти к делу, чем сидеть и дрожать как осинный лист! Девушка обхватила себя обеими руками, несмотря на жар, исходивший от огня. Ей почему-то никак не удавалось согреться.

Опустив голову, Оливия еще раз прошла перед камином, размышляя о качествах лорда Гринли.

«Да, он не слишком пунктуален!»

К счастью, Оливия почувствовала, как гнев снова захлестывает ее, вытесняя страх.

Мужчины – самые настоящие крысы.

У Дейна Колуэлла, виконта Гринли, имелась проблема. Очень большая проблема. Даже стоя за дверью спальни, где его ждала молодая жена, он чувствовал, как проблема растет. Проклятие, он еще даже не притронулся к ней!

С этой проблемой ничего нельзя было поделать. Некому было о ней рассказать, потому что эту проблему нельзя было обсудить ни в кругу прочих мужчин, ни тем более с добропорядочной леди. Даже с недобропорядочной, коли на то пошло.

Один-единственный раз Дейн обратился к врачу. Тот расхохотался в голос и похлопал его по спине:

– Это не проблема, милорд. Это ценный дар!

И отослал прочь.

Ценный дар?

Даже самые опытные куртизанки в ужасе отшатывались от него. А теперь он должен был зачать наследника, овладев невинной, целомудренной девушкой...

Иные мужчины на его месте взяли бы ее силой не задумываясь. В законе черным по белому прописано, что муж имеет на это право. Дейн содрогнулся, ужаснувшись, что такая мысль вообще пришла ему в голову. Он пошел бы на многое, лишь бы защитить будущее Гринли, но только не на это. Не будь Дейн единственным наследником, он даже и не пытался

бы вступить в брак, предпочитая умереть вечным холостяком. Зачем досаждать какой-нибудь женщине своей... проблемой?

Конечно, он собирался войти в супружескую спальню, но его проблема росла как на дрожжах. Вот так обстояли дела.

Гринли изо всех сил постарался оттянуть этот миг, вплоть до того, что провел большую часть первой брачной ночи в кабинете за работой. И только когда часы пробили одиннадцать раз, он понял, что дальше тянуть некуда.

Сидевший напротив Дейна его друг и протеже Маркус Рамзи, лорд Драйден, заметил гримасу на его лице и покачал головой:

– Знаешь, она вроде не дурнушка.

Дейн равнодушно пожал плечами, усилием воли придав лицу невозмутимое выражение.

– Это именно то, что мне нужно. По-настоящему красивая женщина только отвлекала бы меня от дел.

Маркус склонил голову набок:

– Так в чем же дело? Почему ты работаешь, когда тебе надо бы лежать в объятиях молодой женошки?

Дейн тяжело вздохнул. Упершись обеими руками в подлокотники кресла, он с трудом оторвался от сиденья.

– Я иду к ней. Ты удовлетворен?

Маркус ухмыльнулся. Озорной огонек юности осветил его обыкновенно серьезное лицо.

– Не думаю, что нынешней ночью буду удовлетворен. – Дейну удовлетворение тоже не светило, но он определенно ничего не мог объяснить Маркусу и нахмурился:

– Мы говорим о моей жене.

Маркус поднял вверх обе руки под свирепым взглядом Дейна:

– Извини. Ну, ступай. Я сегодня же лично отвезу бумаги премьер-министру. Не стоит доверять их нарочному. Как-никак, но главный шпион Наполеона до сих пор на свободе.

Дейн кивнул. Химеру нельзя было недооценивать. «Королевская четверка» однажды уже допустила эту ошибку. Добрых полгода глава французской агентурной сети, опутавшей Лондон, ухитрился оставаться инкогнито, несмотря на все старания «Клуба лжецов» – группы элитных шпионов, действовавших по приказу «Королевской четверки» и пытавшихся раскрыть его личность. Только пару недель назад выяснилось, что Химера в совершенстве владел искусством маскировки. Все это время он спокойно разгуливал среди них в обличье хамоватого слуги, на которого никто из них не обращал внимания, считая его безобидным.

Денни (все они знали его именно под этим именем, вымышленным, разумеется) переходил от «лжеца» к «лжецу», когда из-за вызывающего поведения его становилось невозможно держать в доме. Дейн недоумевал. Не было ли это очередным хитроумным ходом Химеры? Ведь побывать в домах сразу нескольких шпионов намного полезнее, чем находиться в бесменном услужении у прежнего главы шпионской разведки, Саймона Рёйнза, ушедшего в отставку.

Химера слишком много знал о «Клубе лжецов», но что он знал о «Королевской четверке»? Только премьер-министру и самому принцу-регенту была известна вся подноготная о «четверке», ну и еще нынешнему главному шпиону «Клуба лжецов», Далтону Монморенси, лорду Этериджу, который некогда был одним из них.

Размышляя над этим вопросом, Дейн медленно взбирался по лестнице навстречу томившейся в ожидании новобрачной. Если Химера узнает правду, если кто-нибудь по другую сторону пролива узнает о власти, которой обладает «четверка» – власти над самим престолом! – если тайна «четверки» будет раскрыта, то правительство Англии разорвут в клочья. Особенно если выяснится, что именно «Королевская четверка» провозгласила короля Георга сумасшед-

шим и упрятала его подальше от людских глаз, назначив принца Георга IV регентом всей Британии. Кобра, Лев, Лис и Сокол совершили страшную государственную измену, движимые единственно глубочайшей преданностью короне.

И хотя данное решение было принято прежним Львом, предшественником и наставником Дейна, нынешний Лев одобрял его всей душой. Недопустимо, чтобы один человек, будь он хоть трижды король, привел Англию к краху. Даже сам Дейн – один из могущественной «четверки» в стране – был не вправе ставить кого-либо или что-либо превыше своего долга.

Этот урок преподавал Дейну его слабовольный и вероломный отец. Между Генри Колуэллом и его долгом встала женщина – прекрасная француженка, увлекшая отца Дейна на путь низменной страсти и предательства.

Самого Дейна ни в коей мере не коснулась тень подозрения, но он прекрасно понимал: если бы о предательстве отца стало известно до его назначения, не видать бы ему места Льва, как своих ушей.

«Голос крови не заглушить».

Никто не осмеливался произнести эти слова даже шепотом, но Дейн ощущал пристальное внимание к своей персоне со стороны прочих членов «четверки». Словно кто-то постоянно тяжело дышал ему в затылок. Ему до конца жизни придется выкладываться больше и соблюдать данные им клятвы строже остальных, а также всегда быть готовым пожертвовать своим благополучием во имя короны. Временами он почти завидовал испытаниям, через которые пришлось пройти Нейту Стоунвеллу, Кобре. Того как-то вынудили разыграть перед всем народом роль предателя, дабы прикрыть неблагоразумные действия короля. У Дейна не было таких возможностей подкрепить свою преданность королю. Все, что у него было, – это тень отцовской слабости, следовавшая за ним по пятам.

«Голос крови не заглушить».

Потому-то он и выбрал себе в жены леди Оливию. Она была не из тех женщин, в которых можно влюбиться без памяти. Эта женщина не будет смущать его душевный покой.

И не доведет его до предательства.

Теперь Дейн стоял в своей спальне и с беспокойством смотрел на смежную дверь. Прежде чем выбрать дочь Челтнема, он тщательнейшим образом все проверил. По словам маменьки Оливии, эта барышня была воплощением благоразумия и добродетели, обучена всему, что полагается знать леди. Дейн и сам убедился: девушка обладала поразительной стойкостью духа, а ведь ее так оберегали от всех жизненных невзгод!

Что-что, а стойкость духа ей уж точно понадобится, если она собиралась стать его женой не на словах, а на деле. Не в силах примириться с мыслью, что какой-нибудь другой господин отхватит себе этакий трофей, Гринли со своей обычной решимостью развернул бурную деятельность, чтобы заполучить ее себе.

Тут Дейну пришло в голову (слишком поздно, разумеется), что, пожалуй, стоило бы немного поухаживать за девушкой. Теперь будет не так-то просто расположить ее к себе. Гринли по опыту знал: если не проявить деликатность, ни за что не удастся заручиться ее согласием... хотя бы на то время, которое необходимо, чтобы зачать наследника. Будь он трижды проклят, если оставит родовое имение Гринли какому-нибудь дальнему родственнику, нога которого ни разу не переступала его порога!

Дейн был вынужден признать, что намеренно избегал общества невесты. Трус! Конечно, последние две недели у него были куда более важные дела, но виконт вполне мог бы прислать ей пару-тройку цветистых романтических записочек.

Теперь уже было слишком поздно. Не оставалось ничего, кроме как встретиться с ней.

Глава 2

Когда дверь в спальню отворилась, в голове Оливии первым делом мелькнула мысль, что пора бы завязывать с необдуманными желаниями.

Вторую мысль было выразить невозможно. Скорее, это накатила волна жара и изумления, жгучим бурливым потоком прокатившаяся через все ее существо.

По широким, необъятным плечам лорда Гринли свободно струились длинные золотистые волосы. На нем была только свободного кроя белая рубашка, заправленная в черные брюки, плотно обтягивающие его мускулистые ноги, отлично обрисовывая упругие бедра и плоский живот. Он стоял напротив нее во всей своей грациозно-непринужденной кошачьей красе.

Оливия подумала о божественной красоте своего мужа. Да, в ее спальне, бесспорно, стоял бог. Богам, внезапно решила Оливия, воистину следовало бы почаще появляться в спальнях.

Если только она не ошибалась – а она слишком долго прожила в деревне, чтобы ошибаться, – он тоже был рад их встрече. Оторвав взгляд от внушавшей трепет области ниже пояса мужа, девушка постаралась рассмотреть его целиком.

«Да, божество», – вновь подумала Оливия. Обликего излучал необузданность, грациозность и дикарскую мощь. Ни дать ни взять норманнский вождь из тех времен, когда цивилизация еще не совсем вытеснила варварство.

Еще тогда, при первой встрече, в реке, Оливия решила, что он хорош собой. Увидев его в холле своего дома, она подумала, что он бесподобен. Во время брачной церемонии она почти не видела его сквозь кружевную вуаль, а во время свадебного завтрака ее так мутило, что ей не удалось как следует его рассмотреть.

Теперь, оставшись с мужем один на один, Оливия почувствовала, как под воздействием его внушительных размеров вкупе с золотистым великолепием ей становится нечем дышать. Казалось, его мощные плечи заполнили собой всю комнату, которую она раньше считала просторной. Голубые глаза Дейна притягивали ее взгляд как магнит. По правде говоря, ей по-прежнему было нечем дышать, и от этого у нее закружилась голова.

Оливия приложила руку ко лбу. Очень... очень сильно... закружилась голова...

Лорд Гринли одним махом оказался рядом и подхватил ее даже раньше, чем у нее ослабли колени. Оторвав ее от пола, словно она весила не больше кошки – а Оливия точно знала, что весит больше, чем целая орава хорошо откормленных кошек, – он в мгновение ока перенес ее в кресло перед камином.

– Тебе нездоровится? – Мягкое и теплое дыхание Дейна коснулось ее щеки. Оливия закрыла глаза, обескураженная его заботой и слишком смущенная проявлением своей слабости, чтобы дать ответ. – Может, позвать камеристку?

Муж по-прежнему сжимал ее стан, будто поддерживая, хотя она чувствовала себя просто прекрасно. Она как будто оказалась зажатой меж двумя каменными арками, словно никакая сила на свете не могла заставить виконта отпустить ее. Жар его тела приятно обволакивал ее каким-то незнакомым дурманящим ароматом. Оливия зарделась, поймав себя на мысли, что ей это очень нравится. К сожалению, она не могла вечно лежать в его объятиях. Оливия никогда не умела лгать, поэтому и выложила все как есть:

– От тебя у меня дух перехватывает.

Виконт ослабил хватку. Тут же пожалев о своих словах, Оливия с трудом сдержала порыв вновь упасть на его широкую грудь в глубоком обмороке. Внезапно девушка поняла, что вправе позволить себе любую вольность, ведь в этом ничего не будет зазорного. Теперь он принадлежит ей.

Но какой бы соблазнительной ни была эта мысль, Оливия не хотела показаться слишком навязчивой.

– Я не совсем это имела в виду, – промолвила она, с отвращением чувствуя, как пунцовый румянец заливает лицо. Она никогда не умела очаровательно краснеть, как некоторые барышни, у которых на щеках распускались розы. Румянец на ее щеках, пожалуй, походил на две кляксы. – Я сегодня не поела. Немного нервничаю. Ты такой... огромный!

Дейн посмотрел на свою новоиспеченную жену с глубоким разочарованием. Все-таки он ошибся. Во время их предыдущих встреч она показалась ему этакой славной пышечкой: выносливой и полной здравого смысла. Гринли довольно неохотно выпустил ее и встал. Она была такой приятной на ощупь, и он так надеялся...

Очевидно, она гораздо слабее и застенчивее, чем он считал. Ей не по силам даже смотреть на него. Не важно. Сделанного не воротишь. Теперь она его жена. Его долг – защищать ее, даже если защищать придется от самого себя. Она ничего не могла поделывать со своей слабыхарактерностью, равно как и он ничего не мог поделывать со своей... проблемой.

– Я позвоню, чтобы пришла камеристка, – мягко сказал он, спрятав разочарование. – А потом уйду, чтобы тебя не тревожить.

Его новоиспеченная женушка изумленно вскинула на него глаза, и огненно-красный румянец медленно сбежал с ее лица.

– Уйдешь?

Лицо Дейна приняло холодно-высокомерное выражение.

– Разумеется, не такой я человек, чтобы навязывать себя...

– Нет! – В мгновение ока она оказалась на ногах. – Я не желаю снова через это проходить!

Дейн вздрогнул.

– Разумеется, я не стану ничего требовать...

Невероятно, но его скромница жена, предполагаемый образец самообладания и благоприличия, топнула ногой и вскинула на него свирепый взгляд.

– Ты хоть представляешь, что я пережила, когда ждала тебя нынче вечером? А каких мук мне стоили последние две недели, если на то пошло? Да у меня такое чувство, будто я только и делала, что неделями сиднем сидела у окна! А теперь, не побыв со мной и пары минут, ты снова... снова... собираешься уйти? – Она скрестила руки под грудью и свирепо уставилась на него. – Нет уж! Ты остаешься!

С минуту Дейн только и мог, что стоять и молча смотреть на нее. Никто не разговаривал с ним в подобном тоне. Никогда.

Уже в шестнадцать лет он вымахал точно пожарная каланча и возвышался над прочими мальчишками. С тех пор к нему все относились исключительно с боязливым почтением. Дейн никогда не прибегал к своему росту для устрашения, но, с другой стороны, он и не сталкивался с подобной необходимостью. Ему достаточно было открыть рот, и он мог поручиться, что каждое его слово будет услышано и исполнено.

Гринли попытался уменьшить исходившую от него угрозу, нацепив на себя маску рубахи-парня. Это противоречило его серьезному нраву, но одиночество, вызванное этим настороженно-почтительным отношением, только усугубилось, когда он окончательно окреп и возмужал. Даже принц-регент в присутствии Дейна сводил свои капризы к минимуму, а лорд Ливерпул, премьер-министр, всегда пасовал перед мнением Дейна.

И тем не менее вот эта барышня, еще совсем девчонка, коли на то пошло, только что топнула на него ногой!

Либо она сумасшедшая, либо гораздо смелее, чем показалось ему поначалу. Как бы то ни было, но, видимо, она понятия не имела, что происходит с ее полными грудями в прозрачной ночной сорочке, когда она скрещивает руки. Дейн обнаружил, что ему трудно отвести взгляд от ее прелестей.

– Ты требуешь, чтобы я остался? – Оливия раздраженно вскинула бровь:

– Именно так.

Ради интереса Дейн тоже скрестил руки на груди и расставил ноги в стороны. До сих пор на его пути не встретился ни один мужчина, который бы нисколько не дрогнул при виде этой устрашающей позы.

Уму непостижимо, но в ответ новоиспеченная леди Гринли, у которой еще молоко на губах не обсохло, тоже расставила ноги в стороны, и гневный огонь в ее взгляде полыхнул с удвоенной силой. Тяжелый локон светлых волос соскользнул с ее плеча и легким занавесом опустился на одну налитую грудь. От изнеженной, хорошенькой, безмятежно-спокойной дочери Челтнема не осталось и следа. Теперь она напоминала разгневанную богиню плодородия.

Дейн хотел было улыбнуться, но заподозрил, что это только подольет масла в огонь. Поскольку, по совести говоря, его обделенная вниманием женушка имела полное право досадовать на него. Гринли развел руками и улыбнулся:

– В таком случае я остаюсь.

– Хорошо.

На долгое время повисла неловкая пауза. Дейн выжидал. Его молодая жена беспокойно переминалась с ноги на ногу, но любопытство все-таки пересилило, и Гринли поинтересовался:

– Э-э... ты не соизволишь пояснить, для чего я остаюсь?

Гнев в ее взоре потух, а раздражение уступило место внезапной робости. Дейн с интересом наблюдал за этой переменой. Лицо ее было похоже на зеркало, в котором отражались все движения ее души. Что-то сейчас творится в ее головке?

Оливия смущенно откашлялась.

– Я думала, может, мы обсудим... то есть, мне бы очень хотелось узнать, что... что ты от меня ждешь?

Дейн с любопытством разглядывал ее.

– Я жду, что ты будешь мне хорошей женой.

На миг смущение отпустило Оливию. Она метнула в него насмешливо-недоверчивый взгляд. «Не валяй дурака», – говорил этот взгляд.

Надо бы развеять ее страхи, хотя ему очень понравилось наблюдать за игрой противоречивых эмоций на ее лице. Похоже, только в одной области леди Оливия не могла бросить ему вызов.

– Я не настаиваю на немедленном скреплении наших обетов, – спокойно заметил Дейн. – Надеюсь, ты будешь умницей и вскоре разделишь со мной радости любовной близости.

Покусывая губу, Оливия отвела взгляд в сторону.

– Ты ручаешься, что твои представления... о любовной близости не выходят за рамки обычных? – Она устремила на него неожиданно пронзительный взгляд. – Видишь ли, я слышана о таких вещах.

Гринли не удержался. Слишком уж она была обворожительной. Он напустил на себя озадаченный вид.

– Прости, ты не могла бы выразиться яснее?

Оливия и впрямь открыла рот, собираясь ответить, но, должно быть, что-то в лице Дейна выдало его. Глаза ее сузились.

– Не вижу ничего забавного. Ты знаешь, о чем я. Черт! Ну ладно.

Гринли развел руками, признавая свой промах.

– Знаю. И могу заверить вас, миледи, что я... э-э... совершенно нормальный человек. – Это не вполне соответствовало действительности, но сейчас не время поднимать этот вопрос. В любом случае она спрашивала не об этом.

Леди Оливия испустила долгий вздох и ласково улыбнулась:

– Что ж, очень хорошо. Садись, пожалуйста. Давай немного побеседуем.

До тех пор пока его молодая жена оставалась в тонюсеньком пеньюаре, тесемки которого держались на честном слове, Дейн был согласен часами сидеть напротив нее и беседовать о чем угодно. Оказывается, она куда соблазнительнее, чем представлялось поначалу, но эта потрясающая грудь сразу бросилась ему в глаза.

Придвинув стул от туалетного столика поближе, Гринли усадил в него Оливию, а сам занял кресло побольше. Не по-джентльменски, конечно, но не мог же он сейчас ей объяснять, что за свою жизнь сломал не один стул. Наклонившись вперед, Дейн уперся локтями в колени и принялся со знанием дела разглядывать жену.

«Вот уж воистину изумительная...»

– Мои глаза находятся чуть выше, милорд, – сухо заметила Оливия.

Когда Гринли оторвал взгляд от ее груди, лицо ее было каменным.

«Ага, она снова поймала меня с поличным». Дейн улыбнулся уголком рта:

– Примите мои глубочайшие извинения, миледи. Уверяю, у меня и в мыслях не было ничего, кроме восхищения.

Оливия вскинула голову:

– Даже не знаю, то ли сказать спасибо, то ли залепить пощечину, ведь положение мужа освобождает от соблюдения некоторых приличий...

Гринли уверенно кивнул:

– Ода.

Девушка рассеянно затеребила тесемку у ворота. Узел развязался окончательно, открыв еще один дюйм пухлой ложбинки. Гринли беспокойно поерзал на сиденье, кровь начала пульсировать в его чреслах. Похоже, эта затея с беседой оказалась каверзнее, чем он поначалу ожидал.

– Я почти ничего о тебе не знаю, – говорила Оливия. – К примеру, у тебя есть родственники, с которыми я должна буду познакомиться? Я обратила внимание, что нынче утром на свадебной церемонии не было ни души.

Родственники. Слово это не сразу пробилось сквозь пелену рассеянности к его сознанию.

– Нет-нет, моих ближайших родственников уже нет в живых. Матушка ушла из жизни, когда я еще был ребенком, а отец... – Что он делает? Ни с кем раньше он не обсуждал Генри Колуэлла.

Леди Оливия ободряюще смотрела на него.

– А отец?

Дейн заставил себя небрежно пожать плечами:

– Скончался два года назад. Несчастный случай. – Надо бы уточнить некоторые подробности, не то она может услышать что-нибудь совершенно иное, хоть он и сделал все возможное, чтобы замять то дело. – Погиб, когда чистил свой пистолет. Ну, сама понимаешь.

Оливия подалась вперед и накрыла ладонью его сцепленные в замок пальцы.

– До чего же это тяжело, да? Я, конечно, люблю своих родителей, но когда мой брат Уолтер утонул месяц назад... – Она умолкла, тяжело сглотнув. – Ближе брата у меня никого не было, – тихо промолвила она.

Лорд Уолтер, по всеобщему мнению, был испорченным оболтусом, но едва ли испорченнее прочих юных лордов, ныне заповивших Лондон. По всей видимости, Оливия любила этого лоботряса, несмотря на дурную славу, ходившую о нем после кончины. Это говорило в ее пользу.

– Однако ваша семья не слишком строго соблюдала траур, – заметил он, следя, чтобы в голос не вкралось осуждение.

Оливия все гадала, когда же кто-нибудь задаст ей этот вопрос. Они с родителями носили полутраур: одевались в приглушенные тона и пропускали все танцы на светских раутах. Но

этих незначительнейших знаков скорби было явно недостаточно, чтобы подобающим образом почтить память Уолтера.

– Мне надо было сделать хорошую партию в этом году, – медленно проговорила она.

Дейн накрыл ее ручку, сочувственно сжимавшую его пальцы, огромной теплой ладонью.

– Полно, миледи. Я сам пришел к такому же выводу. – Оливии понравилось, как ручища виконта устроилась на ее руке. Ради интереса она просунула под его ладонь вторую руку. Места хватило для них обеих и осталось еще. Рядом с ним она чувствовала себя Дюймовочкой.

Какое чудесное ощущение! А уж какое возбуждающее! Оливия запрокинула голову, чтобы как следует рассмотреть мужа, потому что даже сидя в кресле пониже он все равно нависал над ней.

– Пожалуй, я не прочь разделить с тобой пару-другую радостей любовной близости, – выпалила она.

Дейн оторопел:

– Сейчас? Прямо в кресле? – Глаза его снова блеснули лукавством.

– Опять ты меня дразнишь, – пожурела его Оливия. Дейн медленно кивнул:

– Извини. Не смог удержаться. Не самое подходящее время для шуток, да?

Оливия отдернула руки и встала. Она снова ляпнула что-то не подумав. Маменьке так и не удалось полностью искоренить в ней этот недостаток. Однако на попятный идти слишком поздно. Она в самом деле находила его весьма привлекательным, к тому же он так обнадежил ее относительно своих предпочтений...

Щеки ее зарделись, но она даже не попыталась отвернуться.

– Я тут подумала: зачем тянуть?

У Дейна тут же подскочил пульс, равно как и кое-что другое. Быть может, Оливия – именно та, кого он так долго искал? Она определенно его не боялась (по крайней мере пока он был в одежде). Едва ли это можно было сказать о... обо всех.

Глядя на его колебания, Оливия испустила тяжелый вздох.

– Ну, не мне же начинать? Я даже не знаю с чего.

Ее наполовину раздосадованное, наполовину смущенное выражение лица разоружило Дейна.

– Ну, – медленно вымолвил он, вставая с кресла, – можно начать с поцелуя.

Оливия почувствовала, как лед и пламень вихрем пронеслись по ее телу, когда он двинулся на нее. И хотя она сама настояла на этом, она поймала себя на том, что отступает на шаг каждый раз, когда он делает шаг вперед. В конце концов она уперлась задом прямо в массивный столбик кровати и ухватилась за него, чтобы не упасть. Виконт продолжал наступать на нее. Он подошел так близко, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

– По-моему, выше тебя я никого не встречала, – услышала она свой тихий голос.

– Я внушаю тебе страх?

Из груди ее вырвался легкий, хриплый смешок. Уж чего-чего, а страха она решительно не испытывала. Гринли моргнул.

– Я так понимаю, это означает «нет»?

Оливия невинно распахнула глаза, не в силах удержаться от того, чтобы не уязвить его раздутое самолюбие, хотя сама с трудом переводила дух.

– Я могла бы прикинуться испуганной, если тебе угодно. – Уголок его точеного рта дрогнул.

– А я мог бы прикинуться коротышкой, если тебе угодно.

Надо же, здоровое чувство юмора! Еще одно восхитительное качество в копилку ее знаний о муже. Оливия буквально растаяла, а ее волнение снова пошло на убыль.

– Когда же ты наконец меня поцелуешь, муж мой? – прошептала она.

Гринли наклонился к ее уху, намеренно щекоча своим теплым дыханием чувствительные островки ее кожи.

– Когда же ты наконец замолчишь, жена моя? – «Жена моя».

Оливия вновь с потрясением осознала, что онажена норманнского бога.

«Теперь ты мой».

Должно быть, она произнесла эти слова вслух, потому что норманнский бог улыбнулся, уткнувшись ей в шею.

– Похоже на то, – промолвил он. Рокот его низкого голоса прокатился по закоулочкам ее существа, о существовании которых она даже не подозревала, отозвавшись ноющей болью где-то в животе и покалыванием в маковках грудей.

Теплыми губами Дейн коснулся шеи, линии подбородка. И вот его дыхание коснулось ее уст. Замерев, он тянул время. И Оливия не вытерпела. Встав на цыпочки, она требовательно чмокнула его в губы. Гринли окаменел, когда Оливия с силой прижалась к его губам.

Вначале Оливия испытала острое разочарование. Ощущения от прикосновения к губам Дейна нельзя было назвать неприятными, но они не шли ни в какое сравнение с тем, что она чувствовала, когда его дыхание ласкало ей шею. Девушка неуверенно отступила назад, но в этот момент Гринли рывком прижал ее к груди и припал к ее устам.

Дейн не собирался вот так на нее набрасываться, просто очень уж неожиданно она оказалась рядом: Она нежно коснулась его губ, а восхитительная тугая грудь уперлась в его плотное тело.

Он чертовски долго сдерживал себя...

И внезапно иссушающие душу унылые годы нескончаемого воздержания умчались прочь, а жаркая волна острого желания поглотила его безупречную выдержку. На короткий, вобравший в себя вечность миг он прижал к себе целомудренную, непорочную дочь Челтнема так, будто она была его единственной надеждой. Словно он боялся утонуть в этом потоке. На коротенький отрезок пути секундной стрелки он впился в ее уста, словно умирающий с голоду дикарь, которому нежданно-негаданно перепало роскошное угощение.

Это длилось всего секунду, или две... или десять. Но Дейн резко пришел в себя. Все его существо кипело возмущением от собственного буйства. Он вдруг обнаружил, что его целомудренная женушка, вцепившись обеими руками в его рубашку и прильнув к его губам, издает еле слышные жалобные звуки.

Дейн молниеносно захлопнул дверь перед носом необъяснимой вспышки вожделения, с трудом оторвавшись от губ жены. Притянув девушку к себе, он прижался подбородком к ее макушке, силясь вернуть утраченное самообладание. Этак он ничего не добьется. Перепугать молодую жену необузданной похотью – не самое удачное начало для того, чтобы подобающим образом подготовить ее к своему вторжению.

Выдержка была наиважнейшим условием для успеха его предприятия. Из-за своего физического недостатка ему всегда придется держать себя в узде, даже если он каким-то чудом склонит ее к близости. Он никогда не станет докучать ей своими низменными желаниями. Ни к чему пугать бедняжку. Оставалось надеяться, что он еще не успел окончательно все погубить.

Дейн в последний раз сделал глубокий вдох, но тут до его сознания дошло, что Оливия вовсе не казачась безнадежно испуганной. На самом деле барышня в его объятиях продолжала цепляться за него, неуклюже пытаясь поцеловать в шею.

По телу виконта разлилось облегчение. Обняв Оливию за плечи, он бережно отодвинул ее от себя, предусмотрительно натянув вожжи самообладания.

Оливия удивленно заморгала, когда ее мягко, но решительно отстранили.

– У меня... у меня плохо получилось? – вымолвила она, ловя ртом воздух и силясь сфокусировать взгляд. – Я старалась делать, как ты. Может, попробовать еще разок?

Леди Оливия шагнула вперед, собираясь так и сделать. Ей просто не терпелось вновь оказаться втянутой в этот мимолетный водоворот страсти. Она никогда – ни разу! – за всю свою жизнь не... Ну разумеется, нет! Ни одна добропорядочная девушка этого бы не допустила.

Гринли не выпустил ее плеч. Он опять отодвинул ее от себя, держа на расстоянии вытянутой руки. Оливия разочарованно посмотрела на него, сдвинув брови на переносице. Бесстрастное выражение его лица привело ее в замешательство.

– Почему?

«Ни одна добропорядочная девушка этого бы не допустила».

Маменька постоянно твердила Оливии, что она слишком несдержанна, что с ней вечно получают какие-то конфузы. Да ведь она не только целовала его. Она его еще и лизала! Отшатнувшись, Оливия высвободилась из его рук, прижав ладошки к пылающим щекам.

– О Боже! Что-то ты должен обо мне думать...

Сначала она отчитала его за пренебрежительное отношение, потом бесцеремонно потребовала, чтобы он остался и скрепил их брак. А после набросилась на него! Какое безумие!

Их поцелуй был пылким, необузданным, он превзошел ее самые смелые мечты. Губы Дейна были горячими и жадными. Все было так волнительно. И обжигающая влага рта, и то, как его язык ворвался в ее уста, вторгаясь в святая святых. И то, как властно он притянул ее к своей огромной груди, – все это будоражило ее воображение. Оливия вдруг почувствовала себя беспомощной крохой, всецело отданной в его власть, а когда он накрыл ее губы, завладев ее ртом, разжег в ней самой такой огонь желания, который чуть было не поглотил ее всю.

Даже теперь, когда она стояла перед ним, охваченная мучительным стыдом, жаркая дрожь вожделения пробежала по ее телу при воспоминании об этом. Она неисправима!

– Оливия.

Дейн еще ни разу не называл ее по имени. Ей понравилось, как он его произнес, слегка понизив голос на втором слоге. Большими теплыми руками он притянул ее за плечи к твердыне своей груди.

– Оливия, не расстраивайся. – Она быстро помотала головой:

– Я держалась ужасно развязно. Я слишком... – Гринли легонечко ее встряхнул.

– Нет. Посмотри на меня, милая, – ласково велел он. Оливия повиновалась. Его голубые глаза смотрели на нее совершенно серьезно. Она впервые видела его таким. Обычно он производил впечатление беспечного весельчака, но и серьезное выражение подходило ему.

– Я твой муж, – сказал он. – И моя святая обязанность – направлять тебя во всем, что касается физической близости. Ты просто отвечала на мою несдержанность.

Она закусила губу.

– Да?

Гринли нежно приложил ладони к ее щекам. Жар его рук проник в ее плоть и вновь разжег ворох углей внутри ее.

– Милая, твой искренний отклик был во всех отношениях очарователи. Это я сбил тебя с толку.

– Да? – Оливия слегка нахмурилась. Почему-то ей казалось, тут что-то не так. Хотя, с другой стороны, откуда ей знать? – Значит, целоваться так, как целовал меня ты, неправильно?

Уголок его рта слегка дрогнул.

– Да, между мужем и женой не должно происходить таких бурных сцен.

О Боже!

У нее, вероятно, и впрямь нет ни стыда, ни совести, потому что она испытала глубокое разочарование при мысли о том, что Дейн больше никогда ее так не поцелует. Впрочем, это ее первый и единственный поцелуй.

А вдруг другие виды поцелуев еще лучше? Вряд ли, но возможно.

Оливия приободрилась. Подражая мужу, она ласково приложила ладони к его щекам и пристально посмотрела в его глаза, готовая остановиться, если заметит хоть тень неодобрения. Дейн стоял совершенно спокойный. Тогда Оливия запустила кончики пальцев в золотистые волосы у его висков.

– Быть может...

Он выгнул бровь, и Оливия ощутила едва заметное движение мышц под его нежной кожей.

– Быть может? – переспросил Гринли.

Без малейшей задней мысли Оливия высунула кончик языка наружу и смочила пересохшие губы. Глаза Дейна потемнели. Он впился взглядом в ее губы.

– Быть может, ты покажешь мне... – Голос ее охрип. Она сама себя не узнавала, тяжело сглотнув и чувствуя, что балансирует на пороге неведомого мира. – Покажешь, как правильно тебя целовать?

Дейн понимал, что на этот раз надо подойти к делу деликатнее. Теперь Оливия казалась растерянной и неуверенной. И все из-за него! Проклиная себя за несдержанность, он хотел, чтобы этот поцелуй был зачтен в его пользу.

Виконт медленно приблизил губы к ее губам. Оливия начала было подниматься на цыпочки навстречу ему, но когда он замер, остановилась и выжидающе опустила на пятки. В душе Дейна шевельнулась надежда, что он все-таки сделал прекрасный выбор. Эта барышня, похоже, схватывала все на лету и изъясляла поразительную готовность доставить ему немалое удовольствие.

Эта готовность также могла таить в себе и опасность, так как ее слепая покорность чуть было снова не раззадорила его похоть. Его животная натура ломилась из клетки, куда он ее заточил.

Подумать только! К чему он мог склонить эту женщину, какие вольности она могла ему позволить! Порочные, сладострастные видения стрелами пронеслись у него в голове. Неуловимые, дразнящие и совершенно непристойные.

Усилиям воли отогнав их прочь, Гринли сосредоточился.

Оливия прикрыла глаза. От предвкушения по ее спине побежали мурашки.

Теплыми губами Дейн бережно коснулся ее уст. И на миг ей почудилось, что она просто ощутила его теплое дыхание. Прикоснулся, отстранился, снова прикоснулся – словно бабочка усаживается на цветок. Мурашки волнами пробежали по ее телу, отзываясь уже знакомым трепетом внизу живота. Ее губы инстинктивно раскрылись, словно лепестки распускающегося цветка, готовые принять его в себя.

Дейн нежно прильнул к ее устам, и кончик его языка на миг скользнул внутрь, пройдясь по чувствительной кромке на внутренней стороне губ.

От этого сладостного вторжения колени ее вконец ослабли. Обмякнув, она упала ему на грудь. Гринли обхватил могучей ручищей ее стан, второй продолжая поглаживать щеку. Его губы разжигали пламя в ее устах, то требовательно, то нежно, то игриво посасывая их. Дейн надавил пальцем на подбородок, побуждая Оливию еще шире отворить врата для его медленного вторжения. Оливия вверилась мужу без остатка, предоставив ему руководить и распоряжаться ею по своему усмотрению.

Роскошная комната вокруг них исчезла, равно как и смущение Оливии. Даже нравоучительный голос маменьки бесследно растаял в дурманящем зное нежного мужниного поцелуя.

Глава 3

Дейн с трудом оторвался от ее губ и выпрямился. Оливия продолжала стоять, привалившись к нему. У нее не было выбора, потому что ноги по-прежнему отказывались ее держать.

– Я была права, – выдохнула она. – Это тоже восхитительно.

Рука его еще крепче обвила ее талию.

– Рад, что ты так считаешь.

Леди Гринли сделала глубокий вдох.

– У меня опять кружится голова.

– И часто это с тобой бывает?

– До сих пор ни разу. По-моему, это ты на меня так действуешь. Из-за тебя у меня сердце так и колотится.

Он вздрогнул и весь напрягся, с неистовой силой сжав ее в объятиях. Это длилось всего секунду и прошло так быстро, что она почти ничего не заметила.

Оливия открыла глаза и заглянула в лицо норманнского бога. Он смотрел на нее прищуренными глазами, подернутыми сумеречной синевой.

– Когда мы целуемся, то для тебя комната тоже исчезает? – На скуле у виконта задергался мускул.

– Нет.

Леди Гринли разочарованно нахмурила брови:

– Жалко. Это довольно приятно. Мне нравится. – Дейн закрыл глаза и прижался лбом к ее лбу.

– Оливия...

– Да... Дейн? – Она еще ни разу не называла его по имени.

– Замолчи.

Она закрыла глаза и улыбнулась:

– Да, Дейн.

После этого никто больше не проронил ни слова. Оливия замерла, предоставив его ручищам свободно блуждать по ее телу. Сначала он скользнул ладонями вдоль ее плеч, спустившись к запястьям, потом поднял ее руки и завел их себе за шею. Затем его ладони вновь прошлись по ее рукам от запястий к плечам и спустились к талии.

Однако задержались они там ненадолго. Девушка вздрогнула от удивления, когда горячие ладони мужа накрыли ее ягодицы. Ее тонюсенькой ночной сорочки с таким же успехом могло не быть вовсе, потому что она чувствовала, как его руки горячими угольями прожигают ее плоть.

– Тсс, – прошептал он, снова обдав теплым дыханием ее шею и тем самым вызвав в ней новую волну дрожи. – Я всего лишь хочу получше тебя узнать.

– А-а, – едва дыша, вымолвила она. – Я люблю собак. – Гринли окаменел, но не выпустил ее.

– В каком смысле?

– В самом обычном. Если ты хочешь получше меня узнать, то, возможно, тебе будет небезынтересен тот факт, что я люблю собак. – Она приоткрыла один глаз. – А ты что подумал?

Он едва заметно тряхнул головой, словно прогоняя какую-то навязчивую мысль.

– Тебе лучше об этом не знать.

Теперь он и сам, похоже, с некоторым трудом переводил дух.

Оливия закрыла глаза и сделала вдох, решив насладиться тем, как руки Дейна сжимали ее мягкое место. От этого ей казалось, что она вовсе не толстая, как корова, на что частенько намекала ей мать.

– Можешь продолжать.

Гринли притянул Оливию к себе, так что его чресла уперлись ей в живот... но только на долю секунды, потому что он сразу отодвинул от нее ту часть тела, что располагается ниже пояса. Какая жалость! Ведь эта самая часть вызывала у нее сильнейшее любопытство. Но вряд ли Дейну придется по нраву очередная заминка. В конце концов, время терпит. У них впереди целая жизнь, чтобы узнать друг друга.

Целая жизнь! Какая славная мысль, когда твой муж – норманнский бог.

Руки его вновь пустились в путь, Оливия слегка напряглась, потому что он собирался направиться в деликатную область, но двинулся вверх и обхватил руками ее бедра, так что большие пальцы почти коснулись пупка.

С минуту он постоял так, ласково сжимая ее талию.

– Ты моя жена, – прошептал Дейн.

– Да, – неуверенно ответила она. – Я думала, мы это уже выяснили.

– Ты моя. О Господи!

От едва заметных собственнических перекатов в его голосе по телу Оливии пробежала дрожь предвкушения.

– Я твоя, – прошептала она.

– Целиком и полностью. – Колени ее снова начали слабеть.

– Целиком и полностью, – выдохнула девушка.

Гринли неторопливо заскользил ладонями вдоль ее стана. И вот большие пальцы его рук расположились в ложбинках под ее грудью.

– Моя, – тихо промолвил Дейн.

Большими пальцами он принялся медленно взбираться на холмики ее груди, пока те не уместились всей своей тяжестью в его пригоршнях.

Дейн потер пальцами плоть, и взрыв порочного наслаждения докатился от отвердевших сосков Оливии до мест, которые лучше обойти молчанием. Оливия охнула и чуть было не опустила руки, собираясь оттолкнуть его. Она никогда... это не...

– Нет, – мягко приказал он. – Не двигайся.

От его чувственно-приказного тона она опять затрепетала и вновь сцепила руки у него за шеей, так что обессилевшая и возбужденная плоть ее оказалась совершенно беззащитной перед ним. Руки Дейна, твердые и нежные одновременно, принялись ласкать ее грудь, медленно описывая круги.

– Открой глаза, – велел он. – Посмотри вниз.

Оливия посмотрела. При виде огромных загорелых ручищ, накрывших лиф ее ночной сорочки, внизу ее живота вновь забушевал огненный поток. Розовые соски выпирали из-под его пальцев и просвечивали сквозь тонкую паутинку ткани.

– У тебя потрясающая грудь, – прохрипел Гринли. – Я хочу ее увидеть.

Оливия снова закрыла глаза. С губ ее сорвался слабый вздох. Должно быть, Дейн принял его за молчаливое согласие. Да и в самом деле, что еще это могло быть? Она вдруг почувствовала, как узелок на тесемках ночной сорочки ослабевает и две половинки лифа расходятся в стороны.

При свете множества свечей, ярко освещавших комнату, она стояла перед ним совершенно обнаженная и считала, что это очень неприлично.

«Восхитительно», – подумал Дейн, снова накрыв ее грудь руками.

Оливия охнула. Она ошибалась в своих догадках, ведь это не шло ни в какое сравнение с прикосновениями через тонкий батист. Руки его были в тысячу раз горячее, а легкая шершавость ладоней и пальцев, лежавших на ее нежной коже, до невероятности будоражила кровь.

– Посмотри вниз, – требовательно попросил Дейн. Она опустила взгляд и увидела его загорелые руки, накрывшие ее белую грудь.

Дейн наклонил голову, обхватил томившуюся в ожидании маковку обжигающими губами и втянул ее глубоко в рот. Острое наслаждение молниеносно пронзило все тело Оливии. Она запрокинула голову, не способная ни на что, кроме как резко втягивать в себя воздух. А он штурмовал ее...

Ноги ее подкосились. Она вцепилась в плечи Дейна, а тот ловко уложил ее на матрац, ни на секунду не прекращая посасывать ее плоть. Кровать... она совсем позабыла о кровати...

Язык виконта неистово иорхал по ее соску, и Оливия снова позабыла о кровати, содрогаясь от неведомого доселе блаженства. Дейн просунул одну руку ей под спину и приподнял ее, лаская ее грудь языком, а второй рукой скользнул по ее ноге к колену. Потом принялся задругой сосок, посасывая и порхая по нему языком, нежно покусывая. Размякнув под его порочным натиском, Оливия почти не отдавала себе отчета, чем же занимается его вторая, блуждающая по ее телу рука. Затем почувствовала, как обжигающая ладонь движется по чувствительной коже на внутренней стороне бедра.

Дейн накрыл ладонью средоточие ее желания. Кружа ладонью по ее плоти, он принялся нежно растирать ее именно там, где ей всего больше этого хотелось, а его пальцы тем временем спускались все ниже и ниже, продвигаясь вдоль расщелины ее естества. Вдруг они скользнули внутрь.

Оливия судорожно дернулась, охнув и вонзив ногти в плотные мускулы его плеч.

– О-о!

После этого ей сделалось не до разговоров. Она сгинула в море новых ощущений, обрушившихся на нее, вливавшихся в ее внутренности и кативших сквозь нее свои волны.

Горячие жадные губы виконта сосали и покусывали ее плоть. Рука его двигалась все быстрее, скользя вверх и вниз. Длинными пальцами он бороздил ее лоно, сочившееся влагой. Зайдя так далеко, она уже несколько не стыдилась. Пробираясь окольными путями, он старался кружить вокруг ее наичувствительнейшей точки. Снова, и снова, и снова...

Что-то внутри ее достигло своей кульминации – и взорвалось. Она смутно и безучастно сознавала, что издает весь-, ма странные звуки, тихие и хрипловатые.

– Тсс. – Теперь Дейн крепко сжимал Оливию в своих объятиях. Он подтянул ее к себе и усадил на колени так, что она уткнулась лицом ему в плечо. Дейн чуть ли не качал ее на своих ручищах, словно опутанных стальными тросами. – Все хорошо.

Леди Гринли поймала себя на том, что ловит ртом воздух, будто рыбина. Она захлопнула рот и сглотнула, смочив слюной пересохшее горло.

– О... мой Бог! – Она заморгала, пытаясь вернуть себе способность четко видеть предметы. – Это... это нормально?

Дейн кивнул. У него у самого пересохло во рту. Желание молотом стучало в крови, в то время как он силился совладать с собой. Такого поворота событий он не ожидал! В его руках она была похожа на жидкий огонь. Оливия мгновенно откликнулась на любое прикосновение и нетерпеливо устремлялась навстречу каждому новому ощущению. Он-то думал, что ему понадобится несколько ночей, чтобы довести невинную девицу до первого в ее жизни взрыва наслаждения. У Оливии на это ушло меньше часа.

Да, это сулило ему успех, но в то же время грозило разнести в пух и прах его самообладание. Даже сейчас, когда она лежала такая обмякшая и доверчивая. Дейн понимал, что может еще раз свергнуть ее в сладостное иступление. От ее живота к ногам до сих пор прокатывались еле ощутимые спазмы, заставляя ее слегка вздрагивать у него на коленях. Мука... и искушение. Ему до боли хотелось выпростать свой пульсирующий таран, повалить ее обратно на кровать и вклиниться в ее увлажненную плоть, тугую, скользкую, девственную...

Но этому не бывать.

Откинув одеяла позади себя, Гринли разжал руки. Оливия выскользнула из его объятий, сонно опустилась на подушки, по-видимому, не замечая, что ворот ее ночной сорочки по-прежнему раскрыт. От вида ее роскошной груди Дейну хотелось запрокинуть голову и завывать.

Виконт с тревогой подавил этот инстинктивный позыв. Он же не дикий зверь! Им всего лишь владела примитивная похоть, вождление мужчины к женщине. А всему виной было то, что его руки по-прежнему были пропитаны ею, он все еще ощущал на языке напоминавшую кожу клубники шероховатость ее сосков.

Дейн прикрыл ее налитую плоть одеялом, в очередной раз одолев зверя внутри себя. И эта схватка основательно подорвала его силы. Когда Оливия, по-прежнему сонно улыбаясь, закрыла глаза, он почувствовал, как усталость камнем придавила ему плечи. В комнате было невыносимо жарко. Дейн стянул с себя рубашку.

Постель притягивала его как магнит.

«Нет, надо вернуться к себе».

Дейн не хотел спать у нее под боком, слишком уж это отдавало близостью и зависимостью.

– Не уходи, – вдруг прошептала леди Гринли, не открывая глаз.

Дейн глянул на фигурку, одиноко съжившуюся на огромной кровати. А как же Оливия? О ней тоже надо подумать, ведь это ее первая ночь в чужом доме. Он всего лишь проявит... Ну, слово «вежливость» сюда вряд ли подходило. Он всего лишь проявит внимание, если побудет с ней, пока она не уснет. Виконт перебрался на другую половину кровати. Вытянув ноги, он откинулся на спинку, собираясь подумать о принце-регенте. На него необходимо найти какую-то управу...

Голова Дейна незаметно для него самого свесилась набок. Он начал медленно сползать вниз, пока полностью не осел на подушки, а потом забылся глубоким сном. И в это время из-под одеяла выскользнула нежная ручка и попыталась переплести свои пальцы с его.

Окна хозяйской спальни выходили в сад, за которым располагалась стена, где тяжелый зловонный навозный дух конюшен причудливо смешался с ароматом последних увядающих роз.

На этой самой стене, надежно укрытой сенью выщегося плюща и облетающей листвы молодого вяза, сидел наблюдатель, словно на насесте. Он питал особый интерес к хозяйской спальне, видел, как лорд и леди подошли к огромной кровати. Видел, как они вместе повалились на нее, скрывшись из виду. И как через несколько часов погасла мерцавшая во тьме забытая свеча.

Миссия выполнена.

Из них вышла хорошая пара. Вконец концов, они одного поля ягоды. Ведь всем хорошо известно: голос крови не заглушить!

К тому же он имел дело с такой вероломной кровью.

Наблюдатель улыбнулся. Подбить Генри Колуэлла на измену было сплошным удовольствием. Он твердо стоял на своем, уверенный в своей правоте, куда ему не подсунали хорошенькую французскую цыпочку. С той поры весь его пыл и преданность сделались достоянием Франции. По крайней мере достоянием женщины, поклявшейся в верности Франции.

Смерть Генри дорого обошлась великой миссии. Только стыд перед собственным сыном мог вынудить Генри пойти на попятную. Это было ясно как день. До чего же приятно теперь наблюдать, как сын катится в пропасть вслед за отцом! История повторялась, и весьма кстати, ведь именно это и требовалось в нынешних обстоятельствах.

За последнее время они понесли несколько потерь, и большей частью из-за этих проклятых «лжецов»...

Руки неизвестного, лежавшие на стене, сжались в кулаки, так что его ногти заскрежетали по камню.

Кто такие эти «лжецы»? Всего лишь кучка помойных крыс, вырождающиеся аристократы. «Какже им удалось с такой легкостью уничтожить лучших представителей нашей агентурной сети?»

Лавиния Уинчелл была настоящей находкой. Очаровательная и беспощадно чувственная, она очень ловко соблазняла этих английских шпионов, обрекая их на гибель. Пока «лжецы» не натравили на нее ее же пособника, Джекема.

Уодсворт, оружейник, с молодых ногтей верой и правдой служил Франции. Дальновидный был человек, не в пример своему жадному сыночку. Оба они приносили пользу, пока эти карманники, именовавшие себя знатными господами, не уничтожили и их.

Затем «лжецы» перехватили дочку шифровальщика, тем самым лишив императора рычага воздействия на ее папашу, которого он должен был заставить работать на Францию. Вот уж воистину постыдный промах!

Отнять у него победу, когда он был в шаге оттого, чтобы повергнуть в прах самих «лжецов»... Он горел жадной мести. Ему явно нужна была новая шпионская группировка. Збросив все дела, он стал неотступно следовать за Дейном Колуэллом.

Нынешние его приспешники – жалкая горстка никчемных младших сыновей и плутоватых слуг – могли переманить на его сторону только новую партию себе подобных. Мелкие воришки и изменники не годились для его дела. Нет, ему был нужен лорд Гринли – человек с безупречной репутацией, если не считать покрытого тайной предательства его отца. Конечно, он мог со временем прибрать к рукам власть в правительстве, но был довольно ленив и равнодушен к политике.

Что ж, если Англии не удалось завоевать его преданность, это сделает Франция. И чтобы захватить короля, надо воспользоваться королевой.

Тело наблюдателя затекало от неудобной скрюченной позы на холодном камне. Незнакомец осторожно распрямился и спрыгнул обратно на землю по другую сторону стены. В деревянном помещении конюшни зашевелились лошади. Они тихонько ржали, надеясь на ранний завтрак.

Наблюдатель стремительно зашагал по аллее, не дожидаясь, пока конюх выяснит причину их беспокойства, и растворился в темноте с ловкостью человека, проделывавшего это не один раз.

Когда Оливия проснулась, в комнате было темно, а угли едва тлели в камине. Она сладко потянулась, собираясь повернуться на другой бок и снова погрузиться в сон, но неожиданно коснулась чего-то твердого.

Нога. Мужская нога. Нога ее мужа.

Мужа, по-прежнему одетого в брюки, тогда как она спала чуть ли не голышом. Какой стыд! При этой мысли по телу Оливии прокатилась легкая зыбь.

«Интересно, каково было бы предстать перед ним обнаженной, словно... словно обращенная в рабство принцесса перед королем отсталой страны?»

Зыбь усилилась, перейдя в дрожь возбуждения. Если он вдруг проснется и увидит ее такую, полунагую, открытую для ласк, закончит ли он то, что начал этим вечером? Оливия была уверена, что за этим должно последовать что-то еще. Она видела, как жеребцы покрывают кобыл и как кобели спариваются с самочками, хотя подозревала, что люди делают это несколько иначе, нежели четвероногие твари.

Девушка закрыла глаза, несмотря на то что в комнате царил полумрак, и попыталась представить, как Дейн взгромождается на нее... точно жеребец, пристраивается сзади. Его мускулы перекачиваются под золотистой кожей, лоснящейся на солнце...

Оливию пробрала дрожь.

Своими движениями она, должно быть, разбудила Дейна, потому что он перекатился на бок и придвинулся к ней.

– Что случилось? – поинтересовался он хриплым сонным голосом. – Тебе приснился плохой сон?

Оливия мигом выкинула из головы порочные мысли.

– Э-э... нет. Сон не был плохим. – «Отнюдь не плохим».

Гринли обвил ручищей талию Оливии и притянул ее поближе. Девушка вздрогнула от этого прикосновения.

– Ты озябла? – пробормотал виконт.

Нет, совсем наоборот. И прежде чем она успела ответить, или поцеловать его, или сделать что-нибудь еще, что ей так хотелось проделать со своим новоиспеченным мужем, похожим на норманнского бога, в животе у нее оглушительно заурчало. Оливия прихлопнула ладошкой рот, готовая сквозь землю провалиться от стыда. Маменька была бы потрясена до глубины души. Маменька вся побелела бы от ужаса. Маменька...

Дейн хихикнул. Тихий рокот прокатился по уютному пространству задрапированнойпологом кровати.

– Это я во всем виноват, да? Я так и не позвонил, чтобы тебе принесли поесть.

Он перекатился на другой бок и потянулся к шнуру звонка, собираясь вызвать служанку.

Оливия положила руку на его обнаженное плечо.

– Неужели обязательно их будить? Они ведь целый день работали не покладая рук.

Дейн повернул голову и вопросительно посмотрел на нее:

– Их работа – являться по моему первому требованию. За это я плачу им хорошие деньги.

Оливия насупилась:

– Слуги тоже люди, милорд. Им тоже необходим отдых, чтобы они могли «являться по вашему требованию». Меня так и подмывает подстрекнуть их на мятеж.

Гринли снова повернулся к ней лицом и приподнялся на локте, подперев кулаком подбородок. В полутьме его внушительный силуэт напоминал горную гряду.

– И что же вы мне предлагаете, леди Гринли? Обслужить вас самому?

Оливия хотела предложить именно это, как только смогла бы спокойно дышать.

Она резко тряхнула головой.

«Что-то у меня разыгралось воображение».

– Нет, разумеется. Я вполне могу спуститься на кухню и выбрать себе что-нибудь из еды.

– Одна?

Леди Гринли пожала плечами:

– А что тут такого?

– В этом? – удивленно сказал он, показывая ей развязанные тесемки сорочки.

Она поджала губы:

– Ну нет. Конечно же, я оденусь. – Виконт хихикнул:

– Даже не думай. Я запрещаю!

Что, остаться в чем мать родила? Хотя бы это должно было немного встревожить Оливия, но этого не произошло.

Маменька никогда не касалась этой темы, но, как считала Оливия, истинная леди не стала бы терпеть раздевание по команде.

Но маменька здесь не хозяйка – хозяйка здесь они с мужем. И если ее потрясающему супругу угодно видеть ее в неглиже, она с радостью в неглиже и останется!

– Я могу потерпеть и до завтрака, – передумала она. Дейн поднялся с кровати.

– Тогда я, пожалуй, вернусь к себе в комнату. – Оливии ужасно не хотелось, чтобы он возвращался к себе, но не могла же она слезно умолять его провести с ней всю ночь? Хотя вряд

ли она сможет уснуть, если Дейн будет лежать у нее под боком. Идея со слезными мольбами показалась ей наиболее привлекательной, но исключительно из вежливости она сказала:

– Можешь остаться, если хочешь. – Он даже не повернул головы.

– Думаю, не стоит.

По пути к двери Дейн взял на каминной полке новую свечу, засветил ее от тлеющих углей и вставил в серебряный подсвечник. Яркое пламя наполнило комнату золотистым светом.

У Оливии захватило дух, когда она увидела обнаженную грудь Дейна. Пламя свечи ярко освещало каждую выпуклость и впадинку на его мускулистой груди и открывало глазам всю мощь рельефного живота.

Оливия неожиданно охнула от представшей перед ней картины. Она резко села в постели, позабыв запахнуть сорочку и внезапно стушевавшись. Глупо, конечно, если учесть, что он проделал с ней совсем недавно. И ей очень захотелось проделать с ним то же самое. Она ухватила рукой за ворот его сорочки...

Оливии вдруг показалось, что Дейн стиснул зубы. По-видимому, его сиятельство все-таки хотел остаться.

Дейн вздохнул. Хищное выражение на миг исказило его черты. Виконт улыбнулся своей непринужденной улыбкой, словно был всего-навсего заурядным парнем, покладистым и добродушным.

Что за нелепая мысль! Как будто такой мужчина мог быть заурядным!

Он погрозил ей пальцем:

– Ай-ай-ай! Так нечестно.

Скрыв разочарование, Оливия запахнула сорочку и посмотрела на мужа, склонив голову набок.

– Неужели вы и впрямь сказали «ай-ай-ай», милорд? – насмешливо поинтересовалась она. – Я-то думала, это выражение в ходу только у дам определенного возраста.

Челюсть виконта отвисла. Еще долгое время он стоял, тупо уставившись на нее.

– Так ты действительно меня не боишься? – спросил он, потрясенно тряхнув головой.

Оливия подтянула накрытые одеялом колени к груди и положила на них руки крест-накрест.

– Ты все время меня об этом спрашиваешь. С чего мне тебя бояться? Ты что, плохой человек?

По некоей причине этот вопрос поставил его в тупик. Полуобнаженный человек-бог стоял перед ней и, похоже, всерьез обдумывал ответ. Леди Гринли хмуро посмотрела на него:

– Не думала, что это будет вопрос на засыпку, милорд.

– Я привык считать себя благородным человеком и на меньшее не согласен, – медленно промолвил он. – Я сам придерживаюсь довольно строгих правил поведения, и того же требую от остальных.

– Разумеется. – Она беспечно кивнула. – Ты же джентльмен.

Дейн серьезно посмотрел на Оливию:

– И от тебя, раз ты моя жена.

Голос его вдруг посуровел. По телу Оливии пробежала дрожь.

– Разумеется. Я же леди.

«Во всяком случае, честно стараюсь ею быть. Надо не пожалеть сил и доказать это как ему, так и себе».

Видимо, Дейн расслабился, потому что на его губах заиграла легкая улыбка.

– В таком случае доброй ночи, жена моя.

Лорд поклонился и размашистым шагом вышел из комнаты, забрав с собой свечу и покой, еще недавно царивший в душе Оливии.

Глава 4

Когда Оливия проснулась, в комнату сквозь высокое стрельчатое окно струился жемчужный свет, превращая уютный сумрак в совершенно заурядные предметы обстановки, пусть и сверкавшие роскошью.

Шелест материи привлек внимание Оливии. К двери туалетной комнаты спешила камеристка, встряхивая платье из ее приданого.

– Доброе утро! – весело промолвила Оливия, ожидая увидеть улыбку и услышать замечание о погоде. Так бы откликнулись на ее приветствие слуги в Челтнеме.

Камеристка с опаской сделала книксен.

– Доброе утро, миледи.

То была миловидная девушка лет семнадцати. Оливия улыбнулась, чтобы ободрить ее.

– Скажи, пожалуйста, как тебя зовут? – Девушка окаменела.

– Меня зовут Петти, миледи. – Голос ее был безжизненным, а взгляд выражал что угодно, только не дружелюбие. – Экономка вам вчера меня представила.

Оливия замялась:

– Что ж... спасибо за свежий уголь, Петти. – Взмахом руки она указала на камин, в котором теперь плясало яркие пламя. – За ночь комната совсем остыла. Как хорошо, что ты развела огонь!

Петти окаменела еще больше, если только это было возможно.

– Уголь принесла горничная. Нам наказали не будить вас раньше этого часа. Если вы желаете, чтобы уголь в камин подкладывали до десяти, то вам надобно поговорить с миссис Хафф, экономкой.

– Нет-нет. – Оливия моргнула. – Я не хотела... – Ну все, пиши пропало. Теперь девица, ясное дело, любое ее слово будет воспринимать как камень в свой огород. Оливия сдалась. – В десять будет в самый раз. Э-э... продолжай.

Оливия краем глаза наблюдала за Петти, которая проворно доделала свою работу и удалилась. Похоже, ее супруг держал прислугу совершенно иного класса. Даже черная габардиновая форма Петти была отменного качества. В сущности, даже получше многих платьев, которые в прошлом носила Оливия.

Как пить дать, Уолт сумел бы вытянуть из этой девицы улыбку, но сама она Никогда не отличалась умением держаться свободно и непринужденно в любом обществе.

Оливии не помешало бы иметь чуточку этого таланта во время ее мучительного дебюта. Дело было не столько в застенчивости, сколько в том, что она, по-видимому, просто-напросто не владела языком света. В заключительный месяц сезона она озадаченно наблюдала за тем, как прочие барышни одним-единственным жеманным взмахом веера лишали молодых людей дара речи или пускали в ход любвеобильные взгляды, заставляя ухажеров раздуваться от гордости.

Пару раз она попыталась проделать то же самое. Но один партнер от взмаха ее веера чуть не лишился глаза, а другой, поймав ее любвеобильный взгляд, решил поинтересоваться, не тошнит ли ее.

Вновь оставшись в одиночестве, Оливия с облегчением откинулась на гору подушек. В конце концов, завоевала же она сердце своего великолепного мужа, и безо всяких ухищрений, так ведь? Да взять хотя бы тот день на реке. Она нисколько не кокетничала. И все равно он попросил ее руки.

Да, она не кокетничала и даже толком не разговаривала с Дейном перед свадьбой. Но почему так вышло, что он попросил ее руки? Он мог жениться на барышне покрасивее, побогаче и поэлегантнее. Таких пруд пруди! Она села в постели от неожиданной мысли.

«Неужели он полюбил меня заочно?»

Оливия проворно выскользнула из-под одеяла и пошлепала босиком через всю комнату к зеркалу над туалетным столиком. Усевшись на пуфик, она спрятала озябшие пальцы ног под подол и принялась изучать собственное отражение.

К ее удивлению, вид у нее был довольно привлекательный, хотя этим утром она даже не притрагивалась к волосам расческой. На щеках играл очаровательный румянец, а растрепанные локоны хоть и спутались, но почему-то шли ей гораздо больше, чем чопорная – волосок к волоску – прическа. Оливия улыбнулась сама себе, потому что по праву гордилась своими зубами. Должно быть, Дейну понравилась ее внешность. Уж грудь-то ее точно пришлась ему по вкусу.

Быть может... он восхищался ею как раз тогда, когда она восхищалась им? Мысль была тщеславной и дерзкой, но что еще ей было думать? В последнее время жизнь ее сделалась похожей на сон. А кто сказал, что в снах нет места для настоящей любви? Может, поэтому он так поспешно женился на ней? И провел прошлой ночью столько времени, осторожно обхаживая и соблазняя ее...

Страстный блеск, появившийся в ее серых глазах, придавал ей особую привлекательность. Такой красивой она не была сроду. А почему бы и нет?

Любовь пошла ей на пользу.

Поднявшись, Оливия раскинула руки и закружилась по комнате в каком-то радостном экстазе. До чего ей повезло! Счастливица, просто счастливица!

Улыбаясь во весь рот, она стала одеваться, решив не звать камеристку с кислой миной. Поискав вещи, которые куда-то убрала Петти, она попутно обнаружила запертую шкатулку. Раньше та обитала под ее кроватью в родительском доме.

В ней не было ничего ценного, если не брать в расчет ее сокровенные мысли. Оливия охотнее лишилась бы одежды, чем дневника.

Леди Гринли отперла замок ключиком, который вчера перед уходом из дома спрятала в кармане плаща. Внутри шкатулки лежала маленькая невзрачная книжечка.

Теперь она замужняя дама. Человеку вроде Дейна дневник наверняка покажется ребяческой забавой.

Записывая события, происходившие в ее мирке, Оливии долго удавалось держать свои мысли при себе. Как только она прекращала вести записи, впечатления скапливались в ее душе, и она никогда не знала, когда с ее языка сорвется самая ужасная глупость из всех возможных.

Поэтому она все переносила на бумагу. Эту книжечку ей подарил Уолт. Оливия исписывала страницы мелким неразборчивым почерком, пользуясь своими собственными шутивными сокращениями, чтобы сэкономить бумагу.

В углу комнаты стоял изящный письменный столик, но Оливия забралась обратно в кровать, прихватив с собой чернильницу и перо, и задернула полог. Внутри было темновато, но по крайней мере у нее будет минутка, чтобы спрятать книжечку под подушку, если вдруг вернется Петти.

Оливия закрыла глаза, предоставив потоку впечатлений от прошлой ночи бурлить внутри нее.

«Дейн... Господи, где найти слова, чтобы это описать?»

Она вспыхнула. Наверное, слова-то найти было можно, вот только ей, пожалуй, не стоило вписывать эти слова в дневник. К тому же вульгарными выражениями не передать те чары, которые владели ею. Его руки, такие большие и сильные, такие нежные, когда он касался ее...

Его запах – аромат сандалового дерева, смешанный с жаром его тела и терпким мужским запахом. И то, какой на ощупь была его твердая плоть... Его губы...

«Боже, надо поскорее закончить с этим, одеться и разыскать его!»

Дыхание ее участилось. Склонившись над дневником, она начала писать. Кончик пера отчаянно скрипел, пока она заполняла страницу...

Дейн бросил хмурый взгляд поверх страниц на лежавшее перед ним досье.

– Что значит «Ливерпул против нашего плана»? – Маркус вышагивал перед внушительным письменным столом Дейна.

– То и значит! Он против. – Драйден всплеснул руками. – Я довел до его сведения, что мы собираемся привлечь к делу члена «Клуба лжецов», чтобы тот завязал тесную дружбу с принцем-регентом. Так мы будем в курсе перемен настроения и капризов его высочества. Возможно, даже убедим его отказаться от поведения, которое он недавно взял себе за правило.

План был хороший. В последние годы принц Георг IV заставил правительство хорошенько погоняться за ним. Чего стоило его недавнее исчезновение в компании двух шпионов-недоучек!

Дейн хлопнул ладонями по столу. Дубовые доски задрожали.

– Ты объяснил Ливерпулу, что Химера все еще на свободе? За Георгом днем и ночью нужен глаз да глаз! Больше никаких самовольных увеселительных поездок.

Маркус плюхнулся в кресло у камина.

– Ливерпул вовсе не против, чтобы за принцем-регентом установили надзор. А еще лучше заковали в кандалы. Премьер-министра не устраивает человек, которого мы выбрали ему в друзья.

Дейн взглянул на имя, указанное в досье.

– Чем ему не угодил Феникс? Он подходит по всем статьям. Беззаветно предан короне, да и его высочество уже выказал ему явное предпочтение.

Маркус пожал плечами:

– Видимо, мы чего-то не знаем о Коллисе Тремейне. А может, дело в его жене, Роуз. Она низкого происхождения, а ты прекрасно знаешь этих снобов.

– Если она не сногшибательная красотка, то какое нам дело до того, с кем хочет Георг проводить время?

Маркус покачал головой:

– По-моему, она довольно миленькая. Но ты же знаешь, Георг тяготеет к более грубому типу женщин.

Дейн рассеянно кивнул. «Более грубый тип женщин» применительно к Георгу означал грудастых девах, знающих толк в постельных играх...

Дейн был разочарован, но последнее замечание Маркуса натолкнуло его на мысль. Виконт откинулся на спинку кресла и принялся созерцать потолок, в то время как мысль вырисовывалась в его голове. «Георг тяготеет к более грубому типу женщин».

– Ливерпул прав. Тремейн тут не поможет. Что нам нужно, так это... – Гринли выпрямился в кресле и с мрачной улыбкой посмотрел на Маркуса, – подходящая женщина.

– Какая женщина вам нужна? Я подойду? – раздался с порога игривый вопрос.

Вздрыгнув, мужчины резко обернулись. Лучезарно улыбаясь, в дверях стояла леди Гринли.

Дейн моргнул. Черт, он совсем о ней забыл! По-видимому, теперь придется приучить себя запираť дверь кабинета, когда они с Маркусом работают. Слуги никогда не входили в кабинет без приглашения. Дейну и в голову не приходило, что его молодая женушка забредет в комнату без спроса.

Маркус метнул в Дейна обеспокоенный взгляд. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь подслушал их планы. Человеку, не знающему, кто они такие... черт, да даже и знающему! Некоторые их разговоры показались бы страшной государственной изменой.

Дейн неторопливо поднялся и подошел к ней.

– Прости, дорогая, тебе что-то нужно?

Должно быть, голос его прозвучал слишком сухо, потому как лучезарная улыбка на ее лице мгновенно померкла.

– Нет. – Оливия взглянула через его плечо на Маркуса. Брови ее обеспокоенно поползли к переносице. – Извините, что помешала. Я... я только хотела пожелать тебе доброго утра.

Дейн спрятал раздражение за улыбкой. Она явно вторглась к ним безо всякого умысла.

– И тебе доброго утра, Оливия. – Взмахом руки он указал на Маркуса: – Ты ведь помнишь моего делового партнера, лорда Драйдена?

Оливия торопливо сделала Маркусу реверанс.

– Леди Гринли, – приветствовал Маркус, слегка поклонившись в ответ.

Дейн взял ее за локоток и мягко развернул к двери.

– А теперь извини. У нас накопилось много деловых вопросов, которые необходимо сегодня решить.

Он вытолкнул ее из комнаты и захлопнул дверь перед ее ошеломленным лицом.

– Может, стоило ей объяснить, о чем шла речь? Она умная девушка, может сообразить, что к чему.

Дейн небрежно пожал плечами:

– Что ж, если от этого тебе станет лучше...

Он шагнул в коридор и увидел, что Оливия стоит на прежнем месте все с тем же хмурым выражением лица и разглядывает дверь кабинета. Маркус не ошибся. Столь напряженное внимание к делам, ее не касавшимся, не предвещало ничего хорошего.

Вот только серьезное выражение серых глаз и скрещенные под грудью руки придавали ей совершенно обворожительный вид...

Призвав на помощь свою железную волю, Дейн раздавил назойливую похоть в зародыше, но всплеск желания подал ему новую идею.

Он медленно приблизился к Оливии, нарочно напоминая ей, как надвигался на нее прошлой ночью. Это подействовало. Глаза ее заблестели, а кончик языка высунулся наружу. Она, в свою очередь, начала пятиться, пока не уперлась в стену за спиной. Дейн подошел вплотную к ней, намеренно оживляя в памяти каждое мгновение ночного совращения. Когда он доведет ее обучение до конца...

Гринли посмотрел по сторонам коридора. Слуг поблизости не было. Глаза Оливии округлились, дыхание участилось. Обвив одной рукой шею девушки, а другой – ее талию, Дейн наклонил голову так, что их губы почти соприкоснулись. Долгое время он стоял, нависая над ней. Девушка затрепетала в его объятиях, издавая еле слышный возглас нетерпения.

– Оливия, – прошептал он, – когда я приду к тебе нынче ночью...

– Д-да? – прерывисто прошептала она.

– Знаешь, что я хотел бы увидеть?

Из ее груди снова вырвался этот возглас, и Дейн обнаружил, что это ему очень нравится.

– Ч-что?

Дейн скользнул рукой от ее шеи к плечу, прочертив пальцем дорожку вдоль выреза платья. Оливия задрожала. Дейн нежно погладил пухлый холмик ее груди и слегка опустил в ложбинку между ними.

– Я хочу увидеть тебя... полностью обнаженной, – прошептал он. – Никакого пеньюара! Никакой сорочки. Сними все, вплоть до ленточки в волосах.

Дыхание вихрем вырвалось из ее легких, и она обмякла в его руках.

– Да...

– Даешь слово, Оливия? Ты будешь ждать меня обнаженной?

Леди Гринли только и смогла, что энергично кивнуть. Дейн выпустил девушку из своих объятий, осторожно прислонив ее к стене. Так она и осталась стоять. Ее грудь вздымалась, а взгляд округлившись глаз был прикован к нему.

Улыбнувшись, Дейн выпрямился во весь рост.

– Спасибо, дорогая. Жду не дождусь, когда наступит ночь.

Запечатлев на ее увлажнившимся лбу бесстрастный поцелуй, Гринли развернулся и пошагал обратно в кабинет, собираясь вернуться к более важным вопросам.

До чего славно он все уладил! Вряд ли Оливия вспомнит хоть слово из подслушанного разговора.

Теперь оставалось только усмирить свое вздыбившееся естество. Надо было срочно вернуться к делам.

Глава 5

Дейн мог не волноваться. Прошло несколько долгих минут, прежде чем Оливия сумела вспомнить хотя бы свое имя, не говоря уже о каких-то там событиях, предшествовавших этой потрясающей вспышке прилюдного возбуждения.

Он даже не поцеловал ее по-настоящему. И почти не дотронулся, хотя она по-прежнему ощущала на своем теле огненную дорожку, ведущую к ложбинке между грудей. Оливия переживала что-то невообразимое. Кровь стучала в висках, колени ослабли. У нее перехватило дух при мысли о том, что надо будет ждать его обнаженной... Впрочем, откровенно говоря, слава Богу, что он не потребовал от нее чего-нибудь еще более возмутительного. Наверное, она пообещала бы ему все, что угодно. Совершенно очевидно, что от его прикосновений она мгновенно превращалась в круглую дурочку. И ей это очень даже нравилось.

Слабо улыбнувшись, Оливия крепко обхватила себя руками. Она резко помотала головой и сделала глубокий вдох, чтобы унять сердцебиение. Боже, да она до конца дня ни о чем другом и думать не сможет!

Если раньше она считала, что муж влюблен в нее до беспамьятства, то теперь, казалось, она и сама начала сходить по нему с ума.

* * *

Первую половину дня Оливия осматривала дом, вернее, часть дома, куда ей было дозволено входить. Экономка, миссис Хафф, элегантная особа в черном вдовьем одеянии, весьма ясно дала понять, что ее сиятельству, ни к чему утруждать себя посещением помещений, где обитает прислуга. Повариху чуть удар не хватил, когда Оливия просунула голову в дверь кухни и радостно произнесла: «Добрый день!»

Поэтому Оливия бродила по трем этажам, по которым ей не возбранялось ходить, начиная с холла и кончая комнатами для гостей. Она выискивала маленькие столовые, обходила залы для приемов и музыкальные комнаты. Она надеялась, что Дейн играл на каком-нибудь инструменте, потому что сама совершенно определенно не умела этого делать.

Впервые в жизни Оливия поняла, зачем леди нанимают себе компаньонку хоть ей и казалось чрезвычайно расточительным платить человеку за то, чтобы он тебя слушал. Если слушателю надо платить, то удовольствия от такого разговора порядком убавляется, разве не так?

Обойдя большую часть помещений, Оливия побрела обратно в спальню. Петти меняла покрывала на кровати.

– Добрый день, Петти! – приветливо сказала Оливия. Девушка повернулась и сделала книксен.

– Прошу прощения, миледи, но я Летти.

Оливия недоуменно разглядывала ее. Тот же рост, тот же цвет волос, та же россыпь веснушек на носу, тот же нахмуренный лоб. Оливия скрестила руки на груди. Вероятно, Петти решила сыграть с ней шуточку под названием «дове́ди новую хозяйку до белого каления».

– Я была уверена, что ты назвалась Петти.

– Нет, миледи, – раздался голос из-за ее спины. – Петти – это я.

Оливия обернулась и увидела в дверях своей туалетной комнаты еще одну... Петти.

– Ох! – Она повернулась обратно к Летти, заметив, как та спрятала усмешку.

– Миссис Хафф вчера нас представила вам, миледи. – Миссис Хафф отбарабанила имена многочисленных слуг с умопомрачительной скоростью. Очевидно, теперь от Оливии ждали, чтобы она помнила их всех в лицо.

– Ну да, конечно же, представила. Очень рада снова тебя видеть, Летти.

– Летти – горничная, миледи, – поведала Петти.

Так вот почему девица занималась постельным бельем. Ей следовало быть внимательнее. В Челтнеме хозяйство велось не так строго. Оставшиеся в имении престарелые слуги выполняли посильную для них работу, а остальные нанимались в деревню, где позарез была нужна рабочая сила.

– В таком случае вы, должно быть, родственницы. – В этом Оливия была абсолютно уверена. Может, она и сбита с толку, но не слепая.

– Мы сестры, миледи, – простодушно сообщила Летти и тут же прикусила язык.

Обернувшись, Оливия успела заметить, как с лица Петти сбегает укоризненно-сердитое выражение. Должно быть, Петти старшая. Вполне логично, потому что камеристка в любом доме стоит выше горничной. Оливия намотала все это себе на ус. Она станет виконтессой, которая нужна Дейну. Надо только смотреть в оба и держать ухо востро.

Только тут она заметила серое атласное платье, которое Петти держала в руках. Оно занимало второе место в списке лучших вечерних нарядов из наспех собранного приданого Оливии.

– Что-то случилось с моим платьем?

Оливия очень на это надеялась. Она не любила это платье. На ее взгляд, оно было скучным и слишком строгим, но ткань и фасон выбирала маменька.

Петти напряглась.

– Конечно нет, миледи!

Леди Гринли подавила вздох. Эта девица, вероятно, твердо решила перечить каждому слову новой хозяйки, истолковывая все по-своему.

– Оно будет готово к вечеру, – сказала Петти.

– К вечеру?

На вечер у Оливии не было иных планов, кроме как исполнить приказ Дейна и ждать его в костюме Евы. При воспоминании об этом девушка покраснела и унеслась мыслями в мир самых разнообразных фантазий.

– ... Челтнем, миледи.

Внимание Оливии вновь переключилось на Петти.

– Что?

Бесстрастное выражение на лице Петти говорило красноречивее всяких слов.

– Нынче вечером вы обедаете с лордом и леди Челтнем, миледи, – сказала Петти, растягивая слова, как будто разговаривала со слабоумной. Это звучало как оскорбление, но Оливии было все равно.

Они обедают с ее родителями? Дейн ничего об этом не говорил. Оливия была уязвлена и растеряна, оттого что знала гораздо меньше этой выскочки.

– Ах да... конечно. До чего глупо с моей стороны забыть об этом.

Петти воистину не было равных по части язвительных взглядов.

– Да, миледи.

Оливия на миг закрыла глаза.

– Что ж, возвращайтесь к своим делам, Петти, Летти.

Оливия вышла вслед за девушкой и убедилась, что в коридоре нет ни души. Утром она отыскала библиотеку и теперь собиралась провести остаток дня там, подальше от чопорных слуг и равнодушия вечно занятого Дейна.

Она запрокинула голову и громко вздохнула.

Обед с ее родителями. О Боже! А она ведь только-только сумела вырваться из отчего дома.

Впрочем, настроение ее тут же улучшилось. По крайней мере по пути туда они с Дейном будут в карете совершенно одни.

* * *

– Надеюсь, вы не возражаете, что я увязался за вами, леди Гринли?

Дейн перевел взгляд на Маркуса, который ободряюще улыбался Оливии, сидевшей на противоположном сиденье просторной кареты.

– Глупости! – он. – Почему ты не можешь ехать с нами?

Оливия метнула в его сторону не поддающийся расшифровке взгляд, после чего снова повернулась к Маркусу:

– Ну что вы, я очень вам рада, лорд Драйден.

Вид у нее был немного усталый. Наверное, вчера она слишком поздно легла спать. Во всяком случае, как только они окажутся в стенах ее отчего дома, она возьмет себя в руки.

Гринли снова уставился на мелькавшие за окном унылые улицы туманного Лондона. В это время года погода всегда была мерзкой. Большая часть светского общества уже разъехалась. Дейну не терпелось показать Оливии Гринли, но он ждал, когда «четверка» решит вопрос насчет «друга» для Георга.

Сегодняшняя поездка была просто-напросто предлогом, чтобы провести внеплановое собрание. Дейн попросил леди Челтнем пригласить Кобру – лорда Рирдона, Сокола – лорда Уиндема и еще парочку хороших знакомых для отвода глаз. Намечался всего лишь небольшой званый вечер для друзей и членов семьи. По крайней мере так выглядело со стороны.

К тому же Оливии наверняка будет приятно вновь увидеться со своей матерью. Недавно вышедшие замуж барышни всегда тоскуют по своим маменькам, так ведь?

Он не собирался всерьез интересоваться нуждами Оливии. Вовсе нет. Ни к чему слишком с ней нянчиться, но он не видел оснований обращаться с ней дурно, препятствуя встречам с дорогими ей людьми. Через пару дней они отправятся в Керколл-Холл, в Шотландию, и Оливия не увидит свою семью скорее всего до Рождества.

Дейн просто проявлял внимание, чего никак нельзя было сказать об Оливии. Ее ответы на дружелюбные попытки Маркуса завязать разговор были немногословными. Не грубыми, конечно, но и не особо любезными. Дейн надеялся, что ему не придется проводить с ней беседу на эту тему.

Быть может, она отгадает, как только они приедут в ее прежний дом?

Оливия и минуты не пробыла в лондонском обиталище своей семьи, когда ее заставили почувствовать себя так, будто она никогда и не уезжала оттуда.

Увы!

– Оливия, милая, ты уже успела запачкать подол! – Похоже, леди Челтнем ни разу в жизни не пачкала подол.

Даже в детстве. Пока стройная надменная матушка Оливии в безукоризненно элегантном платье спускалась в холл, дочь на миг представила надменного младенца в безукоризненно элегантных пеленках и тяжело вздохнула. Их дворецкий, Хаксли, еще даже не успел толком снять с нее плащ!

– Добрый вечер, мама.

– Какая жалость! Ну нельзя же вести себя как какая-то девчонка-сорванец, Оливия...

Дейн как бы невзначай встал между ними.

– Ручаюсь, сама принцесса Шарлотта, и та посадила бы себе пятнышко сажи в такой вечер. – Он снисходительно улыбнулся Оливии, которая хотела расцеловать его прямо здесь. – К тому же леди Гринли совсем не обязательно беспокоиться из-за подобной ерунды.

– Конечно. – Лорд Драйден зашел с улицы в дом и встал рядом с Дейном, заслоняя собой Оливию, словно кирпичная стена, и защищая ее от придирок матери. Леди Челтнем пару раз смущенно хмыкнула, после чего торопливо удалилась, дабы встретить прибывающих гостей.

Оливия подошла к Дейну и украдкой схватила за руку, слегка пожав ее.

– Спасибо, – прошептала она.

Повернув голову, Дейн посмотрел на нее с высоты своего роста и замер, пораженный ее благодарным взглядом. Глядя на то, какой признательностью сияли ее глаза, можно было подумать, что он спас ее от разъяренного быка. Интересно, что за женщина эта леди Челтнем, если она так расстроила дочь одним-единственным замечанием.

Сердце виконта сжалось от сострадания. Отец держал его в ежовых рукавицах, постоянно что-то требовал и придирался, даже когда хвалил его. По виду леди Челтнем нельзя было сказать, чтобы та расточала похвалы направо и налево. Должно быть, Оливия с трудом сохраняла присущее ей мужество. Отцу бы она явно понравилась...

Дейн стиснул зубы. Его отец был предателем, переметнувшимся на сторону врага из-за соблазнительницы, которая время от времени, наверное, смотрела на него таким вот благодарным взглядом.

Отогнав сочувствие в сторону, Гринли добродушно рассмеялся и протянул Хаксли свое пальто.

– Не стоит благодарности, – небрежно бросил он.

И они с лордом Драйденом двинулись по коридору, увлеченно беседуя о чем-то своем.

Оливия смотрела вслед мужу. На лбу у нее пролегла маленькая морщинка. На миг ее охватило поразительнейшее чувство, будто он заглянул ей в глаза и понял все-все, что творилось у нее в душе.

А потом это чувство исчезло, словно следы ног на песке, смытые волной.

– Лорд Гринли уже в гостиной? – Раздраженный тон маменьки напомнил ей, в честь кого на самом деле давался этот вечер.

Оливия повернулась и увидела маменьку, которая входила в холл в сопровождении очень красивого джентльмена и его пухленькой, но все же довольно хорошенькой супруги. Муж был гораздо красивее жены, пока та не улыбнулась. На ее щеках заиграли ямочки, а глаза засветились дружелюбием. Оливия сразу же влюбилась в нее.

К изумлению Оливии, маменька подвела супружескую пару к дочери и представила:

– Граф Рирдон и леди Рирдон.

Рирдон поклонился, а его жена присела в реверансе. Выпрямившись, леди Гринли увидела, что матушки снова след простыл. Она уже спешила поприветствовать новых гостей.

– Боже, да тут собирается целая толпа народу! – Леди Рирдон ухмыльнулась:

– Похоже, ваша матушка пригласила всех, кто остался в городе. Взгляни, Натаниель, это, случайно, не Уоллингфорд?

Оливия бросила взгляд в направлении двери и увидела, что маменька приветствует молодого человека со скучающей миной на лице. Девушка снова повернулась к гостям и краем глаза успела заметить, что на лице лорда Рирдона промелькнула гримаса отвращения.

Лорд Рирдон... Рирдон...

– Ох! – выпалила она. – Вы лорд Изменник! – Он сморщился:

– Надеюсь, уже нет.

Оливия резко прикрыла ладошкой рот, поняв свою оплошность.

– Ой, мамочки! О нет. Мне очень жаль. Конечно же, вы никакой не изменник. Я имею в виду, что теперь-то вы уже не можете им быть, так ведь? Не подумайте, что я когда-нибудь считала вас изменником. Хочу сказать, что до прошлого месяца я о вас даже слыхом не слыживала, но... – Сдавшись, она опустила руки. – Вот незадача!

Леди Рирдон смотрела на нее во все глаза, взметнув обе брови вверх.

– Вы и впрямь не умеете держать язык за зубами.

– Знаю, – несчастным голосом вымолвила Оливия, расстроенная тем, что теперь эта милая леди Рирдон явно решит держаться от нее подальше. – Но ничего не могу с этим поделать.

Леди Рирдон кивнула:

– Я тоже. Как вы смотрите на то, чтобы отойти куда-нибудь в сторонку и дать волю языкам?

– О Боже! – еле слышно вымолвил лорд Рирдон. – Какая кошмарная мысль!

Леди Рирдон взяла Оливию под локоток и помахала мужу рукой:

– Поиграй с другими мальчиками, пока я буду знакомиться со своей новой подругой по несчастью.

Глава 6

Все собрались в малой гостиной. Оливия попыталась связать мысленно имена и лица, но не прошло и нескольких минут, как маменька увела ее в сторонку.

– Оливия, милая, я должна спросить твое мнение о новых портьерах в музыкальной комнате.

Оливия бросила в сторону леди Рирдон тоскливый взгляд, однако безропотно пошла за маменькой, хотя прекрасно знала, что никаких новых портьер и в помине не было. Бога ради, она же только вчера утром уехала из дома! Но вряд ли она сможет целый вечер бегать от матушки с ее упреками. Лучше уж разделаться с этим без свидетелей.

Оливия позволила матери увести ее в никогда не использовавшуюся музыкальную комнату.

– Ты хотела о чем-то поговорить со мной с глазу на глаз?

Маменька повернулась к ней со странным выражением на лице. Неужели она на самом деле нервничает? С чего бы это?

– Оливия, милая, будь добра, присядь на минутку.

В углу стоял ветхий диванчик, который все еще имел вполне приличный вид, вот только садиться на него все же не стоило. Оливия осторожно примостилась на краешке сиденья, предпочитая не испытывать на прочность старые пружины.

Сложив руки на коленях, девушка приготовилась выслушивать назидания. Что она сделала на этот раз? Да, пожалуй, из волос у нее выскочило несколько шпилек – оставила парочку в карете. Подол платья, бесспорно, был немного запачкан, хотя пятнышко сажи почти сливалось с серой атласной материей. Так к чему еще могла придраться маменька?

– Оливия, мне следовало еще вчера провести с тобой эту беседу. Я всю ночь не сомкнула глаз. Все терзалась, что послала тебя в мужнин дом, не дав... ну, не дав тебе материнских напутствий перед... этим делом.

Оливия обмерла. Вот тебе на! Если матушка спросит, что произошло прошлой ночью, что ей сказать?

«Можно сказать, что восхитительно провела время и жду не дождусь повторения. Пожалуй, не стоит».

Леди Челтнем взяла Оливию за руку. Странное и немного тревожное проявление нежных чувств. Оливия не могла даже припомнить, чтобы матушка когда-либо дотрагивалась до нее, не считая случаев, если надо было поправить выбившееся из прически украшение или перекосившийся лиф платья.

– Ливви...

Фу! Это уже не тревожное, а откровенно пугающее поведение! Никто не называл ее Ливви, кроме Уолта. Это не сулило ничего хорошего.

– Ливви, – снова начала матушка, – я должна была удостовериться, что ты понимаешь важность того, на что идешь. – Она вздохнула. – Ты, наверное, уже обнаружила, милая... мужчины – довольно примитивные создания, способные на самые отвратительные требования. Взять хотя бы твоего многоуважаемого отца...

Отца? Какая мерзость! В ушах у Оливии зазвенело, но она подавила острое желание вскочить с дивана и убежать, неимоверным усилием воли переключив внимание на свое сердцебиение и слабый гул голосов собравшихся внизу гостей. Она даже принялась тихонько напевать себе под нос, совершенно не слушая мать.

– ...что ж, могу тебя заверить, в первый и последний раз он попросил оставить свечи зажженными!

– М-м-м... – Оливия больше никогда не сможет смотреть отцу в глаза. Никогда.

– Так что теперь ты видишь, что тебе придется терпеть, милая. Разумеется, для тебя это будет трудно вдвойне.

Вдвойне?

– Почему, мама?

Маменька покачала головой и горестно потрепала Оливию по руке.

– Потому что ты должна будешь притворяться, что получаешь наслаждение, бедная моя девочка. Я просто была вынуждена терпеть. Тебе же придется собрать всю свою волю в кулак и убедить мужа, что ты не только получаешь от этого удовольствие, но еще и хочешь повторения! – Она пронзила Оливию пристальным взглядом белесых глаз. – Знаю, милая, это ужасная перспектива, но ты должна крепко-накрепко привязать его к себе. Ведь у тебя, боюсь, не так много достоинств, которые можно использовать в качестве веревки.

Должна? Привязать? Веревкой?

Оливия отогнала в сторону занимательную картину, представшую перед ее мысленным взором.

– Мама, я не понимаю. Хочешь сказать, он не будет меня любить, если я не буду удовлетворять его в спальне? – Как ни омерзительна была эта беседа, мысль, что маменька все-таки хочет, чтобы они с Дейном были счастливы, грела ей сердце.

Матушка моргнула.

– Любовь? Кто здесь хоть слово сказал о любви? Я говорю о Челтнеме! Ты нужна Челтнему! Ты должна это сделать!

Огонь, согревавший ей сердце, потух. Оливия высвободила руку из цепких пальцев матушки.

– Челтнем?

– Разумеется, Челтнем. Господи, неужели ты легла бы в постель с мужчиной за меньшее? «Нет, за кое-что большее, пожалуй».

– Значит, ты хочешь, чтобы я соблазнила мужа ради блага Челтнема?

Маменька кивнула и улыбнулась:

– Спасибо, дорогая. До чего приятно было с тобой поболтать! – Она снова похлопала Оливию по руке и встала. – Ну, я должна вернуться к гостям. – И была такова.

Оливия осталась сидеть в комнате, уставившись на сверкающее пианино, которое не настраивали много лет.

– Все ради блага Челтнема...

– Что?

Оливия обернулась и увидела в дверях невесту Уолтера... ну, бывшую невесту.

– Вы позволите к вам присоединиться, леди Гринли? – спросила мисс Абсентия Хакерман. Большинство людей, произнося имя самой богатой наследницы в стране, с трудом сохраняли бесстрастное выражение лица.

Оливию так и подмывало спросить сэра и леди Хакерман, о чем они думали, давая дочери имя¹. Очевидно, несметное богатство не всегда шло рука об руку с всесторонним образованием. Даже Уолтер, всегда спокойно относившийся к необходимости жениться по расчету, неоднократно намекал, что невеста нравится ему больше, когда ее нет рядом.

– Конечно. – Оливия подвинулась, освобождая место на диване и нимало не заботясь о том, что мисс Хакерман может провалиться в сиденье, набитое истершимся конским волосом. – Что вам угодно?

Мисс Хакерман с отвращением оглядела диван, хотя, пожалуй, она на все смотрела в такой манере, и предпочла лучше стоять. Вздохнув, Оливия хотела было тоже встать, но тут ее осенило: она не только не была хозяйкой вечера, но была еще и почетной гостьей.

¹ Absent (англ.) – отсутствовать.

Улыбнувшись, девушка расправила юбки и сложила руки на коленях. Ей даже не пришлось высоко задирать голову, чтобы посмотреть мисс Хакерман в лицо.

– Да, Абби?

Мисс Хакерман улыбнулась, но глаза ее сузились.

– Я хотела сказать... я несказанно рада, что вы наконец-то вышли замуж. У вас, должно быть, гора свалилась с плеч!

«Ах ты, подлая ведьма!»

– Я на вершине блаженства. Спасибо, Абби, – безмятежным голосом похвасталась Оливия.

– Могу себе представить. В конце концов, вы ухитрились завоевать сердце самого Дейна! – Оливии было хорошо известно, что после гибели Уолтера Дейн поднялся на один пункт выше в личном списке мисс Хакерман. Девушка ехидно улыбнулась. – Вы непременно должны как-нибудь рассказать мне, как вам это удалось.

Она, конечно же, имела в виду уйму гнусных интриг. Внешне мисс Хакерман была довольно привлекательна. Не потребовалось никаких особых затрат, чтобы превратить ее в самую элегантную леди в округе.

Но только внешне. Эта девушка никогда не относилась к Оливии по-дружески, понимая, что та ничем не сможет ответить на ее колкие замечания и ехидные шуточки. Сэр Хакерман купил себе звание рыцаря точно так же, как купил своей дочери лорда Уолтера Челтнема. Тот слишком остро нуждался в деньгах Хакермана, чтобы упустить подобную возможность из-за такой ерунды, как чувства Оливии.

Оливия улыбнулась:

– Понесшие лошади – это уже вчерашний день, не правда ли? А вот о том, что ты не прочь прыгнуть в Темзу, мужчине нипочем не догадаться.

«Да, надо было выслушать мучительные наставления маменьки и осознать, что Челтнем мог преспокойно обойтись без Хакерманов».

Мисс Хакерман заколебалась. Войскам врага явно требовалась перегруппировка. Девушка, несомненно, ожидала, что Оливия зальется краской и стушует, как прежде.

Оливия вздернула подбородок и напустила на себя скучающий вид.

– Вы, должно быть, пришли не только за этим, Абби?

Ее противница отвела взгляд в сторону, сдавая позиции на поле боя.

– Ну... нет. Я надеялась условиться о том, чтобы меня представили лорду Уоллингфорду.

– Уверена, матушка легко это устроит.

– Пожалуй, да. – Мисс Хакерман умолкла, ожидая, что Оливия поймет намек. Оливия и так все поняла. По всей видимости, мисс Хакерман не устраивало, что ее представит леди Челтнем. Эта чрезвычайно почтенная дама занимала отнюдь не самое высшее положение в обществе. Мисс Хакерман жаждала заручиться безоговорочным одобрением Гринли.

Приятно было ощущать, что ты имеешь вес в обществе. Оливия не собиралась часто этим пользоваться, разве только в этот раз. Она грациозно поднялась на ноги и вдруг поняла, что не испытывает никакой неловкости, возвышаясь над миниатюрной наследницей.

– Что ж, полагаю, теперь вы отправитесь к матушке.

Грозовая тень набежала на прелестное личико мисс Хакерман. Девушку всю прямо-таки перекосило от ярости, но она ничего не могла поделать.

Вот уж воистину сладостный миг!

– Да, пожалуй, я так и сделаю.

Взмахнув ворохом дорогих юбок, она исчезла. Жаль, что не навсегда.

Оливия вздохнула. Обед будет не из приятных, это точно.

Нахмутив лоб, Дейн оглядел своих соседей по столу. Более разношерстной компании он отродясь не видал.

Лорд Челтнем, разумеется, сидел во главе стола, Дейн находился по правую руку от него, Оливия – рядом с Дейном, в то время как по другую сторону от нее развалился пьяный в стельку лорд Уоллингфорд, потом леди Рирдон с Маркусом. Леди Челтнем расположилась в конце стола, а справа от нее со страдальческим видом сидел Нейт. Здесь же была и мисс Хакерман, та самая, которую понадобилось спасти от норовистой лошади. Проведя вечер в обществе этой барышни, Гринли понимал недовольство скакуна. И наконец, слева от лорда Челтнема разместился Стентон Хорн, маркиз Уиндем.

В общем, собралась довольно разношерстная компания: четыре шпиона, граф, который не мог и двух слов связать, занудная девица из богатой семьи, нахальный юнец, две весьма приятные дамы и мамаша из ада. Оливия за весь вечер не проронила почти ни слова.

Дейн поймал себя на том, что нетерпеливо прислушивается к бою часов в холле. Вскоре дамы извинятся и выйдут из-за стола, а джентльмены извлекут свои сигары. Дейн устроил этот званый вечер, чтобы провести внеплановое совещание «Королевской четверки». Им бы только отделаться от Челтнема с Уоллингфордом, и тогда Кобра, Лев и Сокол смогут обсудить план Дейна относительно принца Георга.

Если Дейну удастся убедить остальных, он сможет объявить кворум. Теперь, когда Лис при смерти, выбор у них был небольшой. Лорд Барроби еще не назвал своего преемника, а их разведка донесла, что на горизонте пока нет ни одного явного кандидата. Если Барроби пренебрег своим долгом, то в «четверке» начнется та еще свистопляска.

Премьер-министр Англии, ранее занимавший должность Кобры, скорее всего будет из кожи вон лезть, чтобы пропихнуть на это место своего кандидата. Откровенно говоря, Дейн устал от постоянных подковерных интриг Ливерпула внутри «четверки». Нейт стал преемником Ливерпула после того, как лорд Этеридж ушел в отставку, чтобы возглавить «Клуб лжецов», но Нейт, к счастью, не имел обыкновения лебезить перед своим бывшим наставником.

Последнее, чего хотел Дейн, как, впрочем, и остальные, – это позволить Ливерпулу найти для этой должности человека, по-прежнему преданного ему душой и телом.

Дейн кинул взгляд в конец стола, где Маркус пытался сохранить видимость интереса к жалобам и упрекам мисс Хакерман. Из Маркуса вышел бы отличный Лис, хотя обязанности Лиса несколько отличались от обязанностей Льва. Маркус обладал блестящим умом и готов был жизнь отдать за Англию. Он заслуживал большего, чем до конца своих дней числиться в протее у Дейна.

К сожалению, это означало, что Дейну придется заново выбирать себе помощника, а кандидатов на это место было, прямо сказать, раз-два и обчелся. Большинство нынешних юных лордов походило на Уоллингфорда. Это были пьяные, глупые и никчемные молокососы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.